

Японские эпитафии-боси (VIII в.)

С. А. Родин

(ИВКА РГГУ)

Статья имеет целью общее описание, перевод, анализ и введение в научный оборот практически неисследованных отечественными и западными японоведами текстов исторических памятников *боси*, японских эпитафий VIII в.

Тексты эпитафий составлялись на *вэньяне* — древнекитайском литературном языке. Японскими учёными осуществлён перевод текстов на современный японский язык, составлены комментарии к каждой эпитафии. Упоминание *боси* встречается также в работах корейских учёных, живущих и работающих в Японии [15]. Их интерес к данной проблематике вызван большим количеством *боси*, принадлежащим родам корейских иммигрантов, однако их работы в основном повторяют исследования японцев, разве что больший акцент ставится на происхождении рода и тот факт, что эпитафия, имеющая самую раннюю датировку, принадлежит члену рода Фунэ, переселенцев из корейского государства Пэкче.

Перевод осуществлялся по изданиям текстов эпитафий в словаре *Кокуси дайджитэн* [1] и книге *Нихон кодай-но боси* [2], с древнекитайского языка, с привлечением японского перевода. Для удобства чтения, в квадратных скобках приводится расшифровка датировок и имён правителей. При составлении комментариев к переводам автор старался придерживаться единой схемы, а именно: 1. Указание даты, обстоятельств находки *боси*, количество символов, тип поверхности и принцип нанесения текста; 2. Сведения о роде, к которому принадлежал покойный. Данная информация показалась значимой, так как имеется неподтверждённое предположение о наличии связи между этими родами. 3. Сведения о покойном, сопоставление имеющихся записей государственных хроник *Нихон Сёки* (720 г.) [9] и *Сёку Нихонги* (797 г.) [3] с данными эпитафии.

4. Детальный анализ эпитафии, предположения относительно целей создания текста.

Ссылки на исторические хроники даются не с традиционным указанием страницы. Вместо этого приводится датировка сообщения, где первая запись — имя государя или девиз правления, первая цифра — год правления, вторая — месяц, третья — день. Рядом указывается год по европейской системе летоисчисления. Все сообщения *Нихон Сёки* приводятся по двухтомному изданию *Нихон Сёки* издательством «Гиперион», в переводе Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова [9]. Все сообщения хроники *Сёку Нихонги*, за исключением отдельно указанных случаев, приводятся в авторском переводе, по изданию памятника в серии *Син нихон котэнбунгаку тайкэй*, издательства Иванами [3]. Выдержки из генеалогического свода *Синсэн сёдзироку* приводятся по изданию памятника в сборнике «Синто. Путь японских богов», в переводе М. В. Грачёва [12]. Текст памятника *Нихон рёики* цитируется в переводе А. Н. Мещерякова [8]. Стихотворения поэтической антологии *Манъёсю* (759 г.) приводятся в переводе А. Е. Глускиной [7].

Боси: общая информация. Факты и гипотезы.

«Эпитафией» в данной работе переводится термин *боси* (墓誌, досл.: «могильные надписи»). *Боси* — это особый вид могильных надписей, которые, в отличие от традиционных эпитафий, наносились не на каменные или деревянные могильные стелы, а гравировались на сосудах с прахом и костными останками или специальных табличках, которые помещались в могилу. Слово «эпитафия» употребляется в двух значениях: табличка или урна с нанесённым текстом и собственно текст эпитафии. Обычай составления эпитафий в Японии имеет китайские корни. Прямым прототипом *боси*, возможно, послужили *майдицюань* (яп. *байти-кэн*, 買地券, досл.: «свидетельство о покупке земли»), надписи на камне или металле, содержавшие текст договора с богами загробного мира о переходе участка земли, на котором располагалась могила, в вечное владение покойного. Подобный обычай был распространён в народных верованиях Китая, также прослеживается и в Пэкче, одном из древних корейских государств, служившем основным «поставщиком» китайской культуры в Японию [17, с. 1726]. К настоящему моменту обнаружено восем-

надцать образцов данного вида погребальных надписей, подлинность двух из них вызывает сомнения. По этой причине все выкладки и расчеты в данной работе делаются на материале шестнадцати эпитафий.

Самую раннюю датировку имеет эпитафия Фунэ-но Ого (668 г.), однако это не дата составления эпитафии, а год перезахоронения чиновника. Анализ текста эпитафии позволяет утверждать, что табличка была изготовлена не ранее начала VIII в. То же самое можно сказать и про эпитафию Оно-но Эмиси, которая считается второй по древности [16, с. 567]. В японских работах, посвящённых *боси*, наблюдается непоследовательность при датировке эпитафий. Для одних в разделе «дата» действительно приводится дата изготовления эпитафии (например, эпитафия Ки-но Ёсицугу), для других — дата смерти покойного (Ямасиро) или указывается дата похорон (Фунэ) [16, с. 568–569; 1, с. 713], что позволяет японским историкам несколько удревнить традицию *боси*. Самая поздняя эпитафия (Ки-но Ёсицугу) изготовлена в 784 г. Таким образом, традиция изготовления *боси* началась и угасла в VIII в.

Считается, что в Китае расцвет *боси* приходится на время правления династии Цинь (265–420 гг.н.э.) и связан с запретом на установку погребальных стел с эпитафиями, введённым 278 г. После этого, тексты стали наноситься на погребальные сосуды и таблички, а классические образцы китайской эпитафии подобного рода относят к династии Северная Вэй (386–534 гг.н.э.). Эпитафии в Китае наносились на квадратные таблички, размеры которых зависели от положения чиновника: чем выше была должность, тем большим был размер эпитафии [25]. В Японии не наблюдается зависимости между размером эпитафии и прижизненным положением покойного, а все таблички имели прямоугольную форму и скорее напоминали таблички с указанием ранга и должности, которые предъявлялись при входе на территорию государева дворца, на основании чего можно сделать некоторые выводы об их предназначении. В 701–702 гг. в Японии введён в действие свод законов Тайхорё [10], 26-я статья которого регламентировала похороны и проведение погребальных обрядов чиновников. Право на сооружение могильных холмов и установку стел оставлялось только за чиновниками третьего придворного ранга и выше, глава-

ми «особых родов» *бэссо* и старейшинами родов *сисо*. Считается, что в Японии вышли из сложившегося положения тем же способом, что и в Китае — стали класть таблички с текстами в могилы [16, с. 567]. Гипотеза выглядит правдоподобной, однако она основана только на анализе характера социальных взаимоотношений чиновников и государства, регулируемых законодательством, и игнорирует тот факт, что стелы и *боси*, несмотря на внешнее сходство текстов — краткие биографические сообщения, зачастую касающиеся только чиновничьей карьеры — во-первых, по-разному функционировали; во-вторых, отражали не только государственные установки, но также несли печать религиозных представлений и верований. Стелы устанавливались рядом с могильными курганами, и текст был доступен для прочтения, т.е. его адресатом был человек. *Боси* же для людских глаз не предназначались и имели адресатом обитателей загробного мира. Вдобавок, сокрытие текста позволяло зафиксировать ту информацию, которая по политическим соображениям не могла найти отражения в государственных текстах. Так, среди более тысячи двухсот раскопанных гробниц эпохи Тан, содержащих эпитафии, только пять несли информацию о лицах, чьи деяния получили освещение в исторических сочинениях, посвященных тому периоду [26, с. 100].

Если мотивы составления государственных хроник ещё можно по большей части объяснить политическими соображениями, то мотивы составления эпитафий представляются более сложными и включают влияние как минимум трёх взаимосвязанных факторов: психологического, религиозного и утилитарного.

Первый фактор с трудом поддаётся какому-либо анализу. Психологии смерти и умирания посвящено множество разнообразной литературы [22, с. 354–382], делаются попытки анализа чувств и поведения умирающих и их родственников, однако смерть относится к категории таких состояний, понять которые представляется возможным только после их непосредственного переживания. В случае *боси* приходится задумываться о мотивах, руководивших действиями людей другой культуры и другой эпохи, что многократно усложняет задачу и делает практически невозможным построение сколько-нибудь верифицируемых выводов.

Религиозный фактор несколько лучше поддаётся анализу. Общепринятым считается мнение, что в Японии VIII в. происходило взаимодействие нескольких религиозных традиций, каждая из которых имела собственную концепцию смерти и посмертного существования. Согласно верованиям синтоизма, умерший становился божеством *удзи-гами*, частью семейного пантеона, и осуществлял защиту и покровительство своего рода. *Удзи-гами* мог стать любой человек, независимо от моральных качеств или прижизненных достижений. Буддизм, пришедший на архипелаг в середине VI в., накладывал требования «правильной» жизни и «правильной» смерти для желающих попасть в лучший мир или же выйти за пределы дурной бесконечности перерождений. Помимо буддизма и синтоизма, усматривается влияние конфуцианства и даосизма на религиозные представления, бытовавшие в Японии рассматриваемого периода. Конфуцианство постулировало идею сыновней почтительности *сяо*, которая неплохо сочеталась с синтоистским культом предков, устанавливало требование проведения похорон и траура согласно ритуалу, однако основная цель этого хорошо видна из девятого чжана первой главы *Лунь Юй*, «Бесед и суждений» Конфуция: «Соблюдая траур и помня о тех, что ушли раньше, ты укрепляешь в народе добродетель» [6, глава 1, чжан 9], — на первый план выходят политические мотивы управления народом и использование с этой целью, помимо прочего, погребальной практики. Вера в божественность стихий в даосизме перекликалась с верой в богов *ками* в Японии. Недаром предтечей эпитафий *боси* называют указанные выше *майди-цюань*, адресованные даосскому божеству земли.

Практический фактор, мотивирующий составление эпитафий, вытекает напрямую из фактора религиозного. Можно придерживаться тех или иных верований и выполнять те или иные предписания данной веры как из идейных соображений или не предаваясь рефлексии, будучи воспитанным в определённой среде и воспринимая существующие предписания как должное, так и делать это с расчётом на получение неких благ. Как пишет А. Н. Игнатович:

В Японии в первые столетия истории буддийской религии сутры<...> воспринимались менее всего как «хранилище» буддийского учения: их воспринимали как «инструмент достижения пользы в этом мире», т.е. реализации принци-

па гэндзэ рияку, определявших одну из главных особенностей японского буддизма вообще»

[19, с. 23]

Будда был воспринят как один из сонма синтоистских божеств. Считалось, что совершение определённых действий по отношению к нему может принести пользу.

Распространение эпитафий совпадает по времени с распространением на территории архипелага обычая трупосожжения, который прочно ассоциируется с буддизмом. Законодательством даже устанавливается необходимость кремации в отношении определённого круга умерших [10]. Тринадцать из шестнадцати рассмотренных эпитафий были найдены в могилах с кремированными останками. Относительно захоронения Ки-но Ёсицугу нет данных, Фунэ-но Ого и Оно-но Эмиси были похоронены ещё в VII в., т.е. до того, как трупосожжение становится частью распространённой погребальной практикой среди японцев.

В чём взаимосвязь буддизма, не игравшего такой значительной роли в жизни Китая и, судя по всему, не являвшегося причиной появления *боси*, и эпитафиями Японии? В Китае продвижение буддизма затруднялось, в частности, из-за кремации: по конфуцианским нормам, кремировать — значит проявлять неуважение по отношению к телу предка. В Японии новая религия с такой проблемой не столкнулась, но, похоже, японцев всё же смущало, что плоть обернётся прахом, и тогда понадобились её ритуальные заместители. По мнению автора, традиция изготовления *боси* получила распространение не столько благодаря буддизму, сколько вопреки ему, смешавшись с традиционными представлениями о взаимоотношениях тела и души, причём данное утверждение кажется справедливым и по отношению к японским буддийским монахам. Таблички и погребальные урны изготавливались в основном из бронзы, т.е. твёрдого материала, и могли служить заменой телу, поглощённому погребальным костром.

Для того чтобы душа погибшего вселилась в табличку или сосуд, необходимо нанести имя покойного, а имя — обязательный компонент всех представленных текстов, за исключением эпитафии Симоцумити. Попытка объяснить причину данного отсутствия будет сделана в комментариях к названному тексту.

Помимо указания посмертного и родового имени покойного, «идеальная» эпитафия, независимо от того, кому она была посвящена¹, должна была включать следующие компоненты: время рождения (точное, через указание года, или примерное — через привязку времени рождения к правлению того или иного государя); генеалогические данные; родовые владения; достижения на службе (ранги и должности); личная характеристика; возраст; дата и место смерти; дата похорон и место захоронения; выражение скорби или заклинательная формула о ниспрошении покоя для потомков, самого покойного, либо его могилы; дата изготовления эпитафии; автор эпитафии.

Последний пункт явно присутствует только в эпитафии Гёки, косвенно — в эпитафии Симоцумити. Скорее всего, текст подписывался, чтобы у покойного был поручитель, ответственный за истинность сообщаемого в эпитафии. Указание генеалогических данных имело целью определить место покойного в структуре рода. Указание основателя рода — возможно, обращение к его духу с целью защиты прибывшего в загробный мир. Называние отца и / или деда — активизация концепции «воздаяние потомкам за благие дела предков» (подробнее в тексте эпитафии Ина), и, опять же, обращение за помощью (о причинах указания отца в женской эпитафии см. комментарии к эпитафии Ки-но Ёсицугу).

Указание супружеского родства встречается дважды, исключительно в случае совместного захоронения супругов. При этом указываются генеалогические данные и мужа, и жены. Объяснить это можно тем, что мужа и жены принадлежали к разным родам, у каждого из которых был свой *удзи-гами*, и отвечать он, по определению, мог только за своих потомков. Указание родовых владений может служить, во-первых, ориентиром для души покойного, во-вторых, закреплять за этими землями статус владений рода на многие поколения. Указание служебных достижений связано с представлениями о потустороннем мире, как продолжении мира посюстороннего [24; 25], с сохранением иерархических отношений. В том числе по этой

---

¹ Эпитафии можно, с одной стороны, подразделить на эпитафии монахов (2 текста) и чиновников (14 текстов), с другой, на мужские эпитафии (10 текстов), женские (2 текста) и эпитафии, предназначенные для помещения в совместное захоронение супругов (2 текста).

причине было так важно указать имя государя, при котором покойный получил то или иное назначение — это служило залогом продолжения прежних отношений и было нацелено на сохранение за покойным прижизненных привилегий, а также на активизацию всё той же идеи о воздаянии потомкам за дела предков.

Личные характеристики, формулировки которых чаще всего заимствованы из китайских сочинений, должны были обеспечить благополучное пребывание покойного в загробном мире, а также показать отношение потомков к почившему. Последняя цель также преследуется выражением скорби по поводу смерти и помещением формулы-заклинания.

Тексты имеют большую историческую ценность: данные эпитафий считаются более достоверными, чем данные государственных исторических хроник *Нихон Сёки* и *Сёку Нихонги*. Особенно это касается приводимых датировок: эпитафиям доверяют в силу их большей степени синхронности описываемым событиям.

Эпитафии имеют строгую формульность, в них присутствуют обязательные компоненты, каждый из которых значим и имеет определённое назначение, поэтому анализ текстов эпитафий может позволить пролить свет на идейные, идеологические и аксиологические установки составителей.

Переводы и комментарии.

1.1. Эпитафия Фунэ-но Ого. Перевод.

Господин Фунэ-но Ого обито² из рода Фунэ. Его отец, Нахэ-ко-но обито, был сыном Вана Сини обито. [Ого] родился в правление государя, правившего поднебесной³ из дворца Осада⁴

---

² Обито — один из титулов знатности-кабанэ в древней Японии.

³ Поднебесная — имеется в виду Япония.

⁴ В древней Японии действовали запреты, связанные с названием имени. Знание «настоящего имени» человека, места или предмета предполагает возможность совершения с ним различных действий, в том числе нанесения вреда в случае использования имени в контексте проклятия. В целях защиты настоящее имя человека (яп. *хонмё*, *дзичумё*), которое присваивалось по достижении совершеннолетия, при жизни не разглашалось. В отдельных случаях узнавание имени было равносильно обладанию предметом или человеком. Так, *нанори*, «называние имени», для девушки являлось согласием вступить в брак или

[Бидацу], находился на службе с правления государыни, правившей поднебесной из дворца Тоюра [Суйко] по правление государя, правившего поднебесной из дворца Асука [Дзёмэй]. Государь узнал о его необычайных способностях и заслугах и пожаловал ему ранг дайнин, третий ранг⁵. Умер в последний год

интимную близость с мужчиной [18, с. 111]. В *Нихон Сёки* описывается т.н. «восточный поход» первоправителя Дзимму, имевший целью подчинение племён, непокорных его власти. Физическое уничтожение противника в той или иной местности сопровождается её переименованием, что равносильно её присвоению. Культурой не возбранялось называние имени при обращении к богам с просьбой защиты и покровительства [18, с. 112]. В таких памятниках эпохи Нара, как *Кодзики* (712 г.) и поэтическая антология *Манъёсю* правителей обычно именуют формулой-эвфемизмом «государь, правивший поднебесной из дворца N». В *Кодзики* с этой фразы начинается описание правления всех государей, что свидетельствует об особом значении, придававшимся увязке государя с конкретным местом и является отражением верований и представлений древних японцев. В хронике *Нихон сёки*, составленной под сильным влиянием китайской историографии, эта формула убрана, и первое, что сообщается о государе — его родственные отношения с предыдущим государем. Это имело целью выразить идею законности перехода власти, непрерывности династии и в первом соответствовало китайским идеям преемственности. До того, как у Японии появилась столица, каждый новый государь строил себе новый дворец, поэтому при упоминании того или иного дворца должны были возникать ассоциации с конкретным правителем и временем. В более позднее время всем государям, начиная с легендарного Дзимму, были приписаны посмертные имена китайского типа, состоящие из двух «благоприятных» иероглифов. Использование географического кода в именовании государя, возможно, имеет также религиозное значение и связано с верой в богов-ками, в ведении которых находились различные объекты и отрезки территории. Резиденции правителей, начиная с правления государыни Суйко (592 г.) и до переезда двора в столицу Нара (710 г.) находились, в основном, в бассейне реки Асука, на основании чего период с 592 по 710 гг. часто называют «периодом Асука». Вся последующая периодизация японской истории, вплоть до т.н. «эпохи Мэйдзи» (до 1867–68 гг.), основана на географическом коде, что может служить свидетельством силы влияния традиционных культурных установок.

⁵ Дайнин — дословный перевод: «большое человеколюбие», третий по величине ранг согласно ранговой системе, действовавшей с 603 по 647 гг. С начала VII по начало VIII вв. в Японии сменилось шесть систем ранжирования чиновников. Самая первая была введена в 603 г., в правление государыни Суйко, и включала 12 степеней. В 647 г. введена 13-и ступенчатая ранговая система, в 649 г. — 19-и ступенчатая,

правления государя Асука [Дзёмэй], в год каното уси⁶[641], в двенадцатой луне, третьего дня каноз тора. В год цутиноэ тацу [668], в двенадцатой луне был похоронен вместе с супругой Ариконотодзи на горе Мацуока. Его могилу построили рядом с могилой его старшего брата Торако-но обито. Да будет основа духа в десять тысяч поколений защищена и спокойна, а вечная драгоценная земля крепка.

1.2. Эпитафия Фунэ-но Ого. Комментарии.

Обстоятельства и точная дата находки эпитафии неизвестны. Сообщается, что табличка была найдена в эпоху Эдо на горе Мацуока (район совр. Осака) и долгое время хранилась в храме Сайриндзи [2, с. 74]. На горе Мацуока, скорее всего, располагалось фамильное кладбище рода Фунэ. Текст выгравирован на бронзовой тонкой прямоугольной табличке размерами 29.8 см на 6.9 см, с обеих сторон. Текст состоит из 162 иероглифов, распределённых в восьми вертикальных строках, по четыре строки на каждой из сторон таблички. Иероглифы нанесены неравномерно - между символами одной строки встреча-

---

в 664 г. — система из 26 степеней, в 685 г. — из 48 степеней и, наконец, в 701 г. законодательно закреплена система из 30 степеней и девяти ранговых категорий. Подробнее см. [21, с. 478].

⁶ Разметка времени осуществлялась, в том числе, при помощи китайской шестидесятеричной циклической системы летоисчисления. Для обозначения года, месяца и дня использовались иероглифические биномы, первая часть которых — один из т.н. «десяти стволов», а вторая — одна из «двенадцати ветвей». «Десять стволов» — пять первоэлементов: дерево, огонь, земля, металл, вода, — подразделённые на категории «старший брат» и «младший брат». «Двенадцать ветвей» — двенадцать животных зодиакального («звериного») круга: крыса, бык, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака, свинья. Элементы «стволов» и «ветвей» имели строгий порядок следования и нумерацию. Так, крыса была первой из двенадцати «ветвей», бык — второй и т.д. Сочетаться могли только чётные стволы с чётными ветвями и нечётные стволы с нечётными ветвями. В российском японоведении нет единой традиции записи циклических обозначений. Можно встретить как дословный перевод (например: «От восьмой луны года младшего брата курицы», [11, с. 19]), так и транслитерированную запись прочтения символов по «онным» («китайским») или «кунным» («японским») чтениям. В данной работе оставлены японские прочтения стволов и ветвей. Подробнее о системе отсчёта времени на востоке см. [24]. О разметке времени в Японии см. [21, с. 402–418].

ются промежутки. Японские учёные предполагают, что промежутки оставались перед особенно важными словами с целью проявить уважительное отношение [2, с. 74]. Гипотеза выглядит правдоподобной, особенно учитывая, что этими словами были имена покойного, его родственников и слово *тэнно*, которое в данной работе переведено как «государь», за неимением более подходящего русского эквивалента. В эпитафии сообщается время рождения, генеалогические сведения (отец и дед), служебные достижения, личные качества, дата смерти, дата и место похорон покойного. Заканчивается текст формулой-заклинанием.

Фунэ (другое прочтение — Фуна) — род корейских переселенцев из Пэкче. Их родовой землёй было село Ятю в провинции Кавати, уезд Тадзики (южная часть совр. Осака). Кавати располагалась в непосредственной близости к провинции Ямато, где находилась японская столица [17, с. 1889]. Фунэ возводили свою генеалогию к Ван Сини, деду Ого. Генеалогический свод *Синсэн сёдзироку*, «Вновь составленные списки родов», приводит те же данные, хотя часто источником данных в своде указана хроника *Нихон Сёки*. Сведения относительно Ван Сини и рода Фунэ приводятся в *Нихон Сёки*, однако отсутствуют в *Кодзики*. В *Нихон Сёки* Сини изображён человеком исключительного ума и способностей. Согласно хронике, в 553 г. [Киммэй 14–7–4] Ван Сини был назначен «ответственным за ведение учёта налога с кораблей. Он был назначен начальником по кораблям (яп. 船長, *фунэ-но цукаса*. — прим. С. Р.), и поэтому ему было пожаловано кабанэ Фунэ-но фубито. Он — предок нынешних Фунэ-но мурадзи». Назначение объясняется тем, что Ван Сини владел китайской грамотой и мог выполнять подобные обязанности. О том же свидетельствует и присвоение ему кабанэ *фухито* (дословный перевод: «человек письма», «писарь»). В записи за 572 г. [Бидацу 1–5–15] содержится история о том, как Ван Сини, единственный из всех придворных, сумел прочесть послание из корейского государства Когурё, написанное чёрной тушью на чёрных перьях вороны. Он подержал перья над паром варящегося риса и приложил к ним кусок шёлка, после чего все знаки отпечатались на ткани.

Прочим представителям рода Фунэ, упомянутым в хронике, также приписываются только благие деяния. Так, Фунэ-но фу-

хито Эсака выхватил из огня «Записки страны» (текст не сохранился, возможно, и не существовал) и преподнёс их принцу Нака-но Оэ, будущему государю Тэнти [Когёку 4–6–13, 645 г.]. В записи, датированной 608 г. [Суйко 16-6-15] упомянут Фумино фухито Охэй, назначенный, среди прочих, сопровождать послов из Китая. Японские учёные предполагают, что это и есть Фунэ-но Ого [2, с. 75].

При государе Тэмму была проведена реформа титулов кабанэ, среди прочего, имевшая целью повысить социальный статус тех, кто поддержал его во время «смуты года *дзинсин*», 672 г., в результате которой он оказался у власти, и понизить статус старой аристократии и его противников. Роду Фунэ был присвоен кабанэ *мурадзи*, седьмой в иерархии титулов, что говорит об утрате влияния этим родом. Однако в тексте эпитафии роду Фунэ приписан титул *обито*, что противоречит данным *Нихон Сёки*. Часто один и тот же титул мог быть записан разными иероглифами, однако приведённый в эпитафии иероглиф 首 не может быть прочитан как *фухито*. Данный иероглиф мог также использоваться для уважительного обозначения того или иного лица, тогда его следовало бы переводить как «господин», однако японцы прочитывают его как «обито» [например, 15, с. 100], к тому же в таком случае окажется, что титул рода не указан вовсе.

Также слово «ранг» записано в тексте эпитафии биномом 官位 (яп. *канъи*), тогда как подобное обозначение рангов стало употребляться с начала VIII в. — первая фиксация бинома хроникой *Сёку Нихонги* в значении «ранг» относится к 705 г. [2, с. 75]. Стоит также упомянуть, что использование бинома 天皇, «государь» не было в то время распространённым обозначением правителя Японии и было введено в широкий оборот несколько позднее, при Тэмму. На основании этого делается вывод, что сама табличка была составлена не ранее начала VIII в. [2, с. 75]. Кажется небезосновательным датировать изготовление и подзахоронение таблички 700–701 гг., когда умер, наверное, самый известный представитель рода Фунэ, монах Досё, основатель буддийской школы Хоссо. Тогда же могла потребоваться ревизия могил предков. Между датой смерти и датой погребения, согласно данным эпитафии, прошло 27 лет. Скорее всего, 668 г. — дата смерти его супруги, Ариконотодзи, и их совмест-

ного перезахоронения. В тексте указано, что могила построена рядом с могилой старшего брата Ого, Торако, что говорит о большом значении, которое придавали составители эпитафии точному указанию месторасположения погребения.

Помещённая в конец текста формула-заклинание также испрашивает о сохранении в целостности данного места. «Основой духа» и «драгоценной землёй» в тексте названа могила Ого и его супруги. Похожая формулировка, предостерегающая от разрушения могилы, содержится в некоторых других эпитафиях (например, эпитафия Ихокибэ-но Токотарихимэ).

2.1. Эпитафия Оно-но Эмиси. Перевод.

Могила Оно-но Эмиси асоми⁷. В правление государя, правившего поднебесной из дворца Асука-но Киёмихара [Тэмму], совмещал службу в Дадзёкан⁸ с должностью министра Министерства наказаний⁹, верхняя степень ранга дайкин¹⁰. Был похоронен в год хиното уси [677], в первой декаде двенадцатой луны, по сооружении [могилы].

2.2. Эпитафия Оно-но Эмиси. Комментарии.

Эпитафия найдена в 1613 г., в могильнике, расположенном на горе за храмом Судодзиндзя, на территории современного района Сюакуин, Киото. В 1697 г. была закопана обратно в землю, после чего похищена и вновь найдена уже в 1913 г. В

---

⁷ Асоми — второй по значимости среди титулов кабанэ, согласно системе, введённой при государе Тэмму в 684 г.

⁸ Дадзёкан — Палата большого государственного совета, наряду с *Дзингикан*, Палатой небесных и земных божеств, и Ведомством инспекций цензоров *Дандзётэй* — одно из трёх высших государственных учреждений. Главный административный орган государства. Палата состояла из восьми министерств. Подробнее см. [21, сс. 230–244; с. 483].

⁹ Министерство наказаний (яп. *гёбусё*) — одно из восьми министерств, входивших в состав *Дадзёкан* [см. примечание 8]. В обязанности министра Министерства наказаний, согласно законодательному своду *Тайхорё*, входило: расследование уголовных дел, определение вида наказаний, пересмотр приговоров, ведение именных списков свободных и несвободных, арест, тюремное заключение, взыскание долгов [10, с. 34]. В компетенцию министерства не входил разбор тяжб чиновников пятого придворного ранга и выше.

¹⁰ Верхняя степень ранга дайкин — седьмой по величине ранг, согласно системе ранжирования, принятой в 664 г. См. примечание 5.

настоящее время хранится в Киото, в храме Судодзиндзя. Погребение описано как подобие каменной камеры высотой в один метр, в которой находилась табличка и костные останки [2, с. 76]. Текст эпитафии Оно-но Эмиси выгравирован на позолоченной бронзовой табличке размерами 58.9 на 5.9 см, с обеих сторон. Это самая большая по длине табличка с текстом *боси* из найденных в Японии. Текст из 48 иероглифов нанесён в две вертикальные строки, на «лицевой» стороне — 26 иероглифов, на «оборотной» — 22 иероглифа. Как и в случае с эпитафией Фунэ-но Ого, текст нанесён неравномерно, есть промежуток перед иероглифами «правление» на «лицевой» и перед датой похорон на «оборотной» стороне таблички [2, с. 76]. В тексте указаны должности, ранг и дата похорон покойного.

Оно — древний аристократический род, считавший своим родоначальником Амэситарасихико-но микото, старшего сына государя Косё. *Синсэн сёдзироку* помещает род Оно в раздел «Левая половина столицы. Тип родства Кобэцу (потомки императоров)»: «Тот же предок, что и у рода Окасуга-но Асоми. Потомок Ситокицуки-но Ооми — потомка в пятом поколении божества Хико-убацу-но микото. Согласно *Нихонги*, род, к которому принадлежал Оно-но Оми Имоко, ранг дайтоку (высший ранг по системе 603 г. — *С.Р.*), происходил из деревни Оно уезда Сика провинции Оми. Поэтому и был пожалован родовым именем Оно» [12, с. 187]. Запись генеалогического характера о роде Оно есть и в *Кодзики*. Члены рода занимали должности областных управителей и учёных. Среди наиболее известных представителей можно назвать Оно-но Имоко и Оно-но Кэно.

Имоко, согласно данным *Нихон Сёки*, возглавил посольство в суйский Китай в 607 г. [Суйко 15–7–3] и доставил послание от государыни Суйко. Имоко возвращается в Японию в 608 г. [Суйко 16–4–0], однако теряет послание государыне из Суй, что ему с лёгкостью прощается (можно предположить, что ничего хорошего китайский правитель на такое дерзкое письмо не ответил, если вообще ответил). Составители энциклопедии *Кодан-ся* приписывают Имоко установление дипломатических отношений с Китаем, благодаря чему становится возможным отправлять в Китай учеников, которые впоследствии станут движущей силой реформирования государства на китайский манер (т.н. «реформы годов Тайка», 645 г.).

Об Оно-но Кэно, который дослужился до третьего придворного ранга, известно по материалам хроники *Сёку Нихонги*, где приведена запись о его смерти [7-й год Вадо, четвёртая луна, день каното хицудзи, 714 г.]. Благодаря этой записи стало возможным пролить свет на биографию Оно-но Эмиси. В записи сообщается, что отцом Кэно был Оно-но Эмиси, а дедом — Оно-но Имоко. Согласно этому сообщению, Оно-но Эмиси имел среднюю степень ранга сёкин — одиннадцатый ранг в системе, принятой в 664 г., тогда как в эпитафии ему приписан седьмой по величине ранг, верхняя степень ранга дайкин.

Противоречия в источниках можно объяснить практикой пожалования посмертных рангов, что могло быть просто не отмечено хроникой. Нет данных и о том, какую должность в Дадзёкан занимал Оно-но Эмиси. В сохранившейся «Генеалогии рода Оно», *Оно-удзи-но кэйдзу*, сообщается, что он был тюнагоном, средним государственным советником, на основании чего японские учёные делают предположение, что он был одним из государственных советников *нагон* — деление на «младших», «средних» и «старших» государственных советников появляется уже после смерти Эмиси [2, с. 76].

В эпитафии встречается также явный анахронизм, свидетельствующий о более позднем, нежели 677 г., составлении текста. Роду Оно приписан кабанэ *асоми*, которого попросту не существовало до 684 г., тогда как умер Эмиси в 677 г. и имел в то время кабанэ *оми*. Ещё одним доказательством этой гипотезы может служить также упоминание государя Тэмму на манер уже почивших государей (через формулу «государь, правивший поднебесной из дворца Асука-но Киёмихара») [2, с. 76]. Скорее всего, дата изготовления эпитафии может быть соотнесена со временем смерти сына Эмиси, Кэно, т.е. с 714 г. При Кэно, согласно *Сёку Нихонги*, род Оно имел наибольшее влияние при дворе, поэтому в данном случае может «работать» тот же принцип, который позволяет датировать эпитафию Фунэ-но Ого началом VIII в. — стремление закрепить достигнутое высокое положение рода после смерти успешного чиновника или государственного деятеля путём успокоения его души и обращения за помощью к духам покойных предков, которые должны обеспечивать будущее благополучие рода. В этом же могут быть истоки мотива спокойствия и стабильности, который появляется

в заключительной части эпитафии Фунэ и проявляется в указании на могилу в эпитафии Оно. Непонятным остаётся тот факт, что в эпитафии Оно нет информации об отце Эмиси, Имоко, прославившем свой род.

3.1. Эпитафия Фуми-но Нэмаро. Перевод.

Фуми-но Нэмаро имики¹¹, военачальник в год мидзуноэ сару¹² [672], начальник левой дворцовой гвардии¹³ старшего четвёртого ранга верхней ступени¹⁴. Скончался в четвёртый год Кэйун¹⁵ [707], в год хиното хицудзи, двадцать первого дня девятой луны.

3.2. Эпитафия Фуми-но Нэмаро. Комментарии.

Эпитафия Фуми-но Нэмаро найдена в сентябре 1831 г., в провинции Ямато, уезде Уда, на южном склоне горы в Ятаки. Бронзовая прямоугольная табличка размерами 26.2 на 4.3 см с выгравированным на ней текстом эпитафии была помещена в бронзовый ящик размерами 29 на 5 на 9 см. В могиле найдена также погребальная урна с прахом Нэмаро [2, с. 77]. Текст нанесён в две вертикальные строки, по семнадцать иероглифов в

---

¹¹ Имики — один из титулов знатности кабанэ, четвёртый по значимости, согласно указу государя Тэмму.

¹² В литературу вошёл под названием год *дзинсин*.

¹³ Начальник левой дворцовой гвардии (яп. *сэйдзифу-но току*) — левая дворцовая гвардия, согласно *Тайхорё*, несла охрану внутренней дворцовой территории, находившейся между внешней стеной и внутренней оградой дворца, контролируя служебные входы. В обязанности начальника входило «обеспечение охраны малых дворцовых ворот, инспекция охраны, ведение именных списков стражей, участие в почётных эскортах, сопровождение въезжающих и выезжающих экипажей и паланкинов» [10, закон 2, статья 61]. Должности начальника левой дворцовой гвардии соответствовал старший пятый ранг верхней ступени.

¹⁴ Один из высоких придворных рангов в системе ранжирования чиновничества, введённой в 701 г. и законодательно закреплённой сводом законов *Тайхорё*. Минимальным рангом, дававшим право доступа во дворец, был младший пятый ранг нижней ступени.

¹⁵ С 701 г. для датировки времени начинают применяться девизы правления государей. Девиз мог меняться несколько раз в правление одного государя, если случались большие несчастья или благие знамения. Девиз Кэйун, «чудесное облако», был введён в 704 г., в правление государя Момму, в связи с тем, что над дворцом было замечено некое чудесное облако, что посчитали хорошим знамением.

каждой, с одной стороны таблички. В эпитафии зафиксированы служебные достижения и дата смерти.

Фуми-но Нэмаро принадлежал к роду Кавати-но Фуми, одной из ветвей рода Фуми, потомков переселенцев из Пэкче, одной из ветвей рода Ямато-но Ая. Родословную возводят к Вани, который якобы приехал в Японию в правление Одзин. Согласно *Нихон Сёки* и *Кодзики*, монах Вани впервые привёз в Японию китайские классические тексты (*Лунь Юй*, *Цзяньцзывэнь* и др.) и обучил принца китайской грамоте. Вани до сих пор почитают за его вклад в культуру Японии. О его популярности свидетельствует наличие сразу двух могил на территории современной Осака [15, с. 146]. В *Синсэн сёдзироку* род Фуми помещён в раздел *сёбан* (потомки родов иммигрантов), левая половина столицы. Традиционно занимались образованием и письменной культурой, однако Нэмаро прославился как военачальник. Это связано с тем, что в VII–VIII вв. род Фуми на поприще образования притесняют выходцы из других родов переселенцев, что вынуждает их заниматься несвойственными им прежде занятиями [2, с. 77]. Фуми-но обито Нэмаро упоминается в *Нихон Сёки* как один из тех, кто первым выказал личную преданность будущему государю Тэмму во время «смуты года дзинсин» [Тэмму 1–6–24, 672 г.]. В [Тэмму 1–7–2] сообщается, что он был отправлен во главе многочисленного войска в лагерь противника. Также есть запись о присвоении роду Фуми-но обито кабанэ *мурадзи*, однако уже в [Тэмму 14–6–20] роду пожалован более престижный титул *имики*.

Нэмаро упомянут в трёх записях хроники *Сёку Нихонги*. К четвёртому дню десятой луны 707 г. [Кэйун 4–10–24] относится запись о его смерти: «Скончался Фуми-но имики Нэмаро, младший четвёртый ранг нижней ступени. По велению государя, отправлен посол, [Нэмаро] присвоен старший четвёртый ранг верхней ступени и преподнесены шёлковая материя *асигину* и вата *нуно* за заслуги в год *дзинсин*». Датировка смерти расходится с приведённой в эпитафии на месяц, причём датировка эпитафии считается более надёжной, так как составителям хроники было важно отразить присвоение посмертного ранга, тогда как для составителей эпитафии на первый план выступала дата смерти Нэмаро. Однако и эпитафия в таком случае не могла быть составлена раньше присвоения посмерт-

ного ранга, то есть между смертью и похоронами, либо между смертью и составлением и последующим подзахоронением таблички прошло не меньше месяца. Два других упоминания в *Сё-ку Нихонги* связаны с пожалованием сыну Нэмаро по имени Умакаи полей за заслуги отца в год *дзинсин*.

4.1. Эпитафия Ина-но Оокура. Перевод.

Эпитафия сёнагона¹⁶ Ина, старший пятый ранг нижней ступени.

Господин, чьё посмертное имя¹⁷ Оокура, был потомком в четвёртом поколении государя, что правил из дворца Хинокума-но ихон-но мия [Сэнка]. [Господин] был третьим ребёнком Ина-но Кагами-но кими¹⁸, сикана¹⁹ в правление государыни из

¹⁶ Сёнагон — младший государственный советник. Согласно законодательному своду и комментариям к нему (*Рё-но гигэ*), сёнагоны — младшие государственные советники — «ведают выдачей и получением служебных колокольников, почтовых бирок, курьерских сумок и колокольников». Должность предназначалась чиновникам пятого младшего ранга нижней ступени. Часто совмещалась с исполнением обязанностей *дзидзю*: (см. прим. 25). Изначально в штате *Дадзёкан* было три сёнагона, в 808 г. их число увеличили до четырёх. Сёнагон — одно из подразделений должности *нагон*, введённой при Тэмму.

¹⁷ Посмертное имя — яп. *имина*, 忌名, этимологически восходит к словам «запрет», «табу» (яп. *иму*) и «имя» (японское *на*). Имя, которое человек получал по достижении совершеннолетия, разглашалось только после его смерти, отсюда «табуированное имя» — то, которое нельзя произносить.

¹⁸ Кими — один из древних титулов кабанэ. Старейшими из тех, кто имел титул *кими*, были Омива-но кими и Камо-но кими, происшедшие от божества Омива. Существовало два варианта написания титула *кими* — с помощью иероглифов 君 (*кун*) и 公 (*ко*). В тексте употреблён второй вариант. Считается, что деление на *кун* и *ко* было специальным приёмом, использовавшимся во время правления Тэмму и позволявшим составителям *Нихон Сёки* отделить более высоких по положению *ко*: от *кун*. В 684 г. тринадцать *кими* получили кабанэ *махито*. В 759 г. предписано везде для обозначения кабанэ *кими* употреблять иероглиф *ко* (公).

¹⁹ Сикан — дословно «лиловая шапка». Возможно, атрибут поста ооми. В *Нихон сёки*, в записи за 643 г. [Когёку 2–10–6] сообщается: «Сога-но Опооми Эмиси из-за болезни не смог явиться ко двору. Тайно вручил он свою лиловую шапку Ирука, награждая его званием ооми». В примечании сказано, что, поскольку Сога, как и представители государева рода, были фактически выведены за пределы 12-й ступенча-

Ноти-но Окамото [Саймэй]. Господин был уступчив и доброжелателен от природы; учтив и бережлив по характеру. Был постоянен и точен; мягок и зрел²⁰. В правление из Ноти-но Киёмихара [Дзито] ему был присвоен начальный ранг мукоси²¹. В правление [государя] из Фудзивара [Момму] пост сёнагона освободился, и тогда отпрыски знатных родов каждый возжелали

той шкалы ранжирования, то следует предполагать, что лиловая шапка являлась атрибутом должности оооми. В 647 г. [Котоку 3–12] вводится новая система ранжирования. «В этом году были установлены головные уборы тринадцати степеней для семи рангов». *Сикан* (*сикуван*) — лиловая шапка — соответствовал третьему рангу. Третий ранг имел большую и малую степени. Головной убор шился из материи лилового цвета (*мурасаки*). Оторочка делалась из узорчатой парчи. Головному убору соответствовал светло-лиловый цвет одежд. Далее сказано, что по оторочке, украшениям на передней части головного убора определяется высота ранга. Украшение напоминало составителям по виду цикаду и делалось из золота и серебра для рангов с первого по четвертый. Носить головные уборы надлежало в дни больших собраний, при встречах с иноземными послами и при отправлении буддийских обрядов. В *Нихон Сёки* нет ни одной записи о присвоении чиновникам какого-либо из этих семи рангов, в связи с чем возникали подозрения относительно их фактического применения. Текст эпитафии в данном случае подтверждает факт функционирования этой системы ранжирования.

²⁰ Характеристика заимствована из *Лунь Юй*:

子禽問於子貢曰、夫子至於是邦也、必聞其政、求之與、抑與之與、子貢曰、夫子溫良恭儉讓以得之、夫子之求之也、其諸異乎人之求之與。

«Цзы-цинъ спросил Цзы-гуна:

— Когда учитель прибывал в какое-нибудь царство, он обязательно хотел услышать, как оно управляется. Он сам спрашивал об этом или же ему рассказывали?

Цзы-гун ответил:

— Учитель был мягок, доброжелателен, учтив, бережлив, уступчив и благодаря этому узнавал [об управлении]. Он добивался этого не так, как другие» [6, глава 1, чжан 10. Перевод Л. С. Переломова].

В тексте эпитафии употреблены иероглифы 溫良恭儉 «мягкий–доброжелательный–учтивый–бережливый». В *Лунь Юй* эти эпитеты употребляются по отношению к Конфуцию. Тот узнавал об управлении в царствах благодаря тому, что обладал данными качествами. Ина работал советником государя, помогая в делах управления, потому логично, что ему приписаны качества идеального государственного советника, каковым являлся Конфуций.

²¹ Мукоси — один из рангов по системе ранжирования 685 г. Ему соответствовал младший седьмой ранг нижней ступени.

занять эту должность. Государь выделил среди всех господина [Ина], назначил его на должность сёнагона и присвоил ранг гонкоси²². Вскоре [Оокура] был повышен до ранга дзикикоси²³. В начальный год Тайхо, когда впервые были установлены законы [701], господин получил младший пятый ранг нижней ступени и был назначен по совместительству на должность дзидзю²⁴. Господин оглашал государевы указы, разъясняя их сокровенную суть, с утра до ночи прислуживал во дворце, убеждая государя осуществлять то, что следует, и отвергать то, что не следует [осуществлять]. В первой луне четвёртого года [Тайхо, 704] [господин] получил младший пятый ранг верхней ступени. Во втором году Кэйун [705] [Ина] был назначен по совмести-

---

²² Гонкоси — один из рангов по системе ранжирования 685 г. Ему соответствовал младший шестой ранг нижней ступени. Однако назначать на должность сёнагона могли чиновника не ниже пятого младшего ранга нижней ступени.

²³ Дзикикоси — один из рангов по системе ранжирования 685 г. Ему соответствовал младший пятый ранг нижней ступени.

²⁴ Помимо службы в Дадзёкан в должности сёнагона, Ина получил назначение на должность *дзидзю*, старшего дворецкого, в Тюмусё — Министерстве центральных дел, которое считалось самым важным из всех восьми министерств, подчинённых Дадзёкан. Лица, состоявшие в личной свите государя, делились на три категории: те, кто входил в свиту согласно занимаемой должности — высшие сановники; собственно *дзидзю* — их было восемь человек, имели младший пятый ранг нижней ступени, что означало их происхождение из знатных семей. В их обязанности входило наблюдение за поддержанием внешнего порядка в личных покоях и официальных помещениях государя. Третья категория — младшие дворецкие — безранговые слуги. *Дзидзю* должны были в дневное время постоянно находиться в государевом дворце, следить за дисциплиной и порядком дворцовых служащих и служанок. В обязанности также вменялось постоянно служить государю и увещевать (諫める, яп. *исамэру*) его, отговаривать от неправильных поступков. В начале эпохи Хэйан слово *дзидзю* стало употребляться в широком смысле, применительно к постоянному окружению государя. Появились градации *дзидзю*. В середину эпохи Хэйан обязанности *дзидзю*: выполняли представители знатных родов вроде Фудзивара, которые совмещали исполнение этих обязанностей с самыми высокими постами, как, например, дайнагон Фудзивара Юкинари (972–1028), которого именовали *дзидзю дайнагон*. В эпоху Эдо обязанности *дзидзю*: выполняли как представители знатных самурайских родов, так и высшая придворная аристократия.

тельству в Дадзёкан на должность сасёбэн²⁵. Северные рубежи Этиго²⁶ граничат с [варварами] эмиси²⁷, и он лучше других подходил [для того, чтобы] усмирить их и смягчить их нравы. В том же году, в шестнадцатый день одиннадцатой луны [705] господин получил приказ о назначении [на должность] управителя [провинции] Этиго²⁸. Во втором месяце четвёртого года [Кэйун, 707] [господин] был повышен до старшего пятого ранга нижней ступени.

Господин управлял эмиси с помощью щедрых милостей, воспитывал в них гуманные нравы. Культурность распространя-

---

²⁵ Сасёбэн — левый младшеуправляющий, второй помощник левого главноуправляющего делами Государственного совета, садайбэн. В обязанности садайбэн входило: «принимает сверху и направляет вниз различные дела, управляет делами Государственного совета, подписывает проекты документов, расследует упущения и ошибки, ведает ночными дежурными управлений и специальными уполномоченными от провинции». У левого младшеуправляющего обязанности такие же.

²⁶ Этиго — провинция, относилась к разряду *дзёкоку*, «крупные провинции». Входила в округ Хокурикудо. Располагалась на территории современной префектуры Ниигата.

²⁷ Эмиси — скорее всего, этимологически восходит к айнскому слову «человек» — *emchiu*, *emjiu*. Слово «эмиси» употребляется по отношению к айнам, «аборигенному» населению архипелага. Большинство сообщений официальных хроник, касающихся эмиси, подчинены задаче обоснования необходимости «окультуривания» варварского народа, либо утверждения контроля двора Ямато над ними. Государственность в Японии строится по китайскому образцу, и на вооружение была принята китайская геополитическая картина мира, согласно которой у просвещённого государства должны быть ближние варвары, на которых оно должно распространять свою культурность.

²⁸ По Тайхорё, управитель провинции ведал «воспитанием простого народа, надзором за подчинёнными учреждениями, проведением экзаменов в провинциальных школах *кокугаку*, отправлением трудовой и воинской повинностей, сбором налогов и податей, синтоистскими и буддийскими храмами, назначал управителей уездов и их помощников, проводил инспекции местной администрации на предмет ошибок и несоблюдения законов». Почти все представители столичной знати несколько раз командировались на должность управителя провинции, помощника, инспектора в провинции. Срок службы управителя провинции составлял шесть лет, но по факту иногда служба длилась менее года. На должность назначали представителей самых могущественных родов, выходцев из местной знати, представителей самых известных иммигрантских родов. Китайская идея превалирования способностей над знатностью была инкорпорирована в текст эпитафии.

лась повсюду, наказания были справедливыми, приказы исполнялись незамедлительно, недопустимое не допускалось. Оставалось лишь желать, чтобы это дарованное свыше благоволение продлилось долгие годы. Можно ли было предположить, что так скоро пройдёт [его время]?

В двадцать четвёртый день четвёртой луны четвёртого года Кэйун [707], в год хиното хицудзи²⁹, [господин] тяжело заболел и скончался в крепости Этиго. Ему было 46 лет. И вот, зимой этого года, в одиннадцатой луне киното хицудзи, в двадцать первый день после новолуния, день киното у [707], [его прах] был доставлен в провинцию Ямато, уезд Кацураги-но Симо, в село Ямакими, на холм у горы Комаи и [там] захоронен.

Млечный путь³⁰ разделяет ручьи,

---

²⁹ Интерес представляет тот факт, что до этого места в тексте использовалась исключительно система датировок по девизам правления, однако в сообщениях, содержащих информацию о смерти и захоронении, датировки по девизам правления дублируются датировками по шестидесятилетнему циклу.

³⁰ Млечный путь, или Небесная река — согласно китайской мифологии, соединяла небо и землю в мифическое время. По одной из версий, создана Си-ван-му, «Владычицей Запада», богиней страны мёртвых, божеством смерти и болезней, которой подвластны жизни всех людей, кроме мудрецов, святых и даосов. Небесная река фигурирует в мифе-загадке, отвечающей на вопрос, почему море не переполняется, хотя реки несут в него свои воды, следующим образом: в восточной части залива Бохай есть бездонная пропасть под названием Гуйсюй, и даже воды Небесной реки (Млечного Пути) текут туда. Теперь нам известно, куда впадает Небесная река. Млечный путь встречается в тексте *Нихонги* и записан иероглифами 天河, (The Tranquil river of Heaven в переводе Астона [14], «Небесная река в восемь рек (шириной)» в переводе Ермаковой и Мещерякова [9]). Она фигурирует в мифе о сокрытии богини Аматаэрасу в небесной пещере. Восемь десятков мириад божеств собрались на берегу этой реки и стали думать, как им воскресить солнце. Млечный путь встречается в китайской легенде о Волопасе и Ткачихе (Альтаир и Вега), очень популярной уже в древней Японии. По легенде, Волопас и Ткачиха могут видеть друг друга только один день в году — седьмой день седьмой луны. Остальное время их разделяет Небесная Река. Таким образом, Млечный Путь символизирует расставание, разлуку, непреодолимое препятствие. В *Манъёсю*: этому сюжету посвящено около двухсот песен. Образ Небесной реки встречается также в поэтической антологии *Кайфусо*. В японских песнях Небесную реку обычно переплывают на лодке, в китайских — переходят че-

Дерево жому³¹ раскидывает ветви.
 Проявлял талант, распространял мудрость,
 Добродетель накапливая, являл образец достойных манер.
 То, что господин низошел в этот мир³²
 Есть воздаяние потомкам за добрые дела предков.
 Красноречиво наставлял советом государя
 Наставлял его и предостерегал.
 По рангам продвигался сообразно с Дао,
 Славу он имел благодаря ли.
 Из пёстрых тканей сделал парчу³³.
 Хорошая слава о нём далеко распространилась!
 Ударял по струнам³⁴, появляясь в своей шапке³⁵

рез неё по мосту. Японские комментарии к эпитафии указано, что первые две строки данного стихотворения нужно трактовать как выражение сожаления по поводу смерти потомка государева рода, коим являлся Ина Оокура.

³¹ Рядом с горой Куньлунь, на крайнем западе, за Южным морем, между реками Хэйшуй (Чёрная вода) и Циншуй (Зелёная вода) растёт дерево жому. Листья его тёмно-зелёные, цветы красные, напоминающие лотосы. Их свет освещает землю. На верхушку жому садились десять солнц, завершив свой путь по небосводу. Жому является западным эквивалентом дерева *фусан*, находящегося на крайнем востоке. Десять солнц — золотых воронов, жили на дереве *фусан*. Дерево считается эквивалентом мирового дерева. После распространения в Китае буддизма представление о священной горе Куньлунь, нижней столицей Шан ди, Верховного владыки, слилось отчасти с индийскими представлениями о горе Меру. Также рассматривали Куньлунь как место, где поочерёдно прячутся солнце и луна.

³² Использован буддийский образ нисхождения бодхисаттвы в мир людей.

³³ Имеется ввиду его деятельность в отношении варваров-эмиси, уподобленных пёстрой ткани, которую Оокура упорядочил и превратил в полотно.

³⁴ Во вступлении к *Синсэн сёдзироку* сказано: «Мудрые и добродетельные исправляли имена, воплощая их в пяти музыкальных тонах, и тем разъясняли суть родовых отношений». Так и все знатные роды в списках *Синсэн сёдзироку* делились на пять категорий: потомки государей; потомки небесных божеств; потомки внуков небесных божеств; потомки земных божеств; потомки переселенцев. В конфуцианстве музыка юэ и ритуал ли являются действенными средствами для поддержания благородных нравов.

Успокоил народ, смягчил нравы.
В глухие земли пришёл, и жизнь там проснулась!
Из далёких мест к нему со всех ног спешили!
Не стало помощника гуманности
Соединявшая города яшма раскололась³⁶
Впустую глядим на ворота источника³⁷
Ветер, скорбь несущий, задул свечу.

4.2. Эпитафия Ина-но Оокура. Комментарии.

Эпитафия Ина выгравирована на урне для хранения кремнированных останков. Текст был составлен предположительно в 707-м г., т.е. в год смерти Ина-но Оокура. Урна была обнаружена в сер. 60-х — нач. 70-х гг. XVIII в. у горы Анамуси, что находится в селе Баба уезда Кацурагисимо в провинции Ямато

³⁵ Строка постулирует неразрывность музыки и государственной службы, ибо и то, и другое, по конфуцианским представлениям, является инструментом по приведению мира к гармонии.

³⁶ В *Лунь юй* устами Цзы-лу сказано: «Не об этом ли говорится в «Ши цзин»: [слоновую кость] вначале режут, а затем отделяют, [яшму] вначале вырезают, а затем отшлифовывают». Цзы-лу уподобляет моральное совершенствование человека процессу обработки слоновой кости и яшмы, таким образом драгоценная яшма в тексте эпитафии — метафора человека, в высшей степени развившего в себе моральные качества. История о яшме, соединяющей города, содержится в «исторических записках» Сыма Цяня: «Во времена чжаоского Хуэй Вэнь-вана нашли [драгоценную] яшму мастера Хэ из царства Чу. Циньский Чжао-ван, прослышав об этом, послал гонца к чжаоскому вану, предложив 15 городов в обмен на эту яшму». Города получены не были, а яшму удалось вернуть в Чжао благодаря стараниям преданного Линь Сян-жу. Про драгоценную яшму сказано, что это яшма в виде кольца с квадратным отверстием. Речь идёт о знаменитой драгоценности, которая служила чужим правителям талисманом. По преданию, «некий Бянь Хэ в царстве Чу нашёл в горах Цзиншань красивую яшму, которую, отполировав, преподнёс чужому Ли-вану. Ван спросил об этом камне ювелиров, и те сказали, что он не представляет собой ценности. Тогда ван повелел отрубить Бянь Хэ левую ногу. Позднее мастер преподнёс эту яшму следующему правителю У-вану, который также не сумел оценить камень и повелел отрубить Бянь Хэ правую ногу. И только новый правитель — Вэнь-ван — признал яшму драгоценной» [13, С. 46; 4, с. 247].

³⁷ Ёми-но куни — страна мёртвых, страна мрака. Иероглифическое написание соответствует китайскому понятию «жёлтого источника», реки, протекающей в подземном мире.

(совр. город Касиба, Нара). Место находки совпадает с указанным в эпитафии местом захоронения урны. Урна представляет собой изделие из позолоченной бронзы. Она состоит из двух полусферических частей — «тела» и крышки, образующих сферическую форму. Зазор между крышкой и «телом» покрыт лаком. Снизу имеется невысокая подставка. Общая высота урны 24.2 см [2, с. 79–81]. Сосуд тонкостенный, по всей поверхности покрыт позолотой. Надпись, выгравированная на внешней поверхности крышки, включает 391 иероглиф, распределена в тридцати девяти стоках.

Род Ина (為奈, мог также записываться как 猪名, 韋那, 威奈, 偉那) — один из древних аристократических родов. Основателем рода, согласно *Кодзики* и *Нихон Сёки*, был сын государя Сэнка. Относительно имени основателя рода в источниках существуют разногласия. В первом свитке *Синсэн сёдзироку* есть записи под номерами 35 — Тадзи-но Махито, потомок принца Камицу-но уэха — сына Сэнка; 36 — Ина-но Махито. Согласно *Нихонги*, потомок принца Хонохоно, сына Сэнка; 44 — Ина-но Махито. Потомок принца Хонохоно, сына государя Сэнка. Под номером 44 указан Ина из провинции Сэтцу, уезда Кавахэ, села Ина (為奈, располагалось на территории современной префектуры Хёго, города Амагасаки), в честь которого клан получил своё название. Однако и в *Кодзики*, и в *Нихон Сёки* принц Хонохоно (он же Понопо-но Опокими) назван предком Сипида-но Кими. В *Кодзики* и для Ина, и для Тадзихи указан общий предок Эпан-но Опокими, он же Камицу-но Уэха по версии *Синсэн сёдзироку*. В *Нихон сёки* Ина и Тадзихи также имеют предком Камицу-но Уэха. В *Нихон сёки* есть несколько записей, относящихся к роду Ина. Первое упоминание относится к правлению Сэнка [Сэнка 1–3–8, 535 г.]: «Следующего ребёнка звали принцем крови Камиту Уэпа. Другое его имя — Мароко. Он был предком двух родов — Тадипи-но Кими и Ина-но Кими». Предок рода Ина — четвёртый ребёнок государя Сэнка и дочери государя Нинкэн, Татибана-но Накату. В правление императора Котоку Ина-но Кими Таками был одним из тех, кто нёс паланкин с белым фазаном государю [Ко:току 1–2–15, 645 г.]. Записью о смерти Ина-но Кими Таками заканчивается 28-й свиток летописи. В правление Тэмму есть запись о Ина-но Кими Ипасуки [Тэмму 1–6–26, 673 г.]. Ина-но кими и ещё двенадцати родам

был присвоен высший кабанэ — махито. Кабанэ махито присваивался только тем линиям правящего рода, которые образовались, начиная с правления Кэйтай (507–531 гг.) и проявили личную преданность государю Тэмму во время «смуты года дзинсин». Записи о Ина-но махито Оокура содержатся в *Сёку Нихонги*, в частности, в записи за десятую луну третьего года Кэйун [706], где говорится о назначении чиновника младшего пятого ранга Ина-но махито Оокура управителем провинции Этиго. Ина-но Кагами кими — предположительно, тот же человек, которого в *Нихон сёки* называют Ина-но Таками кими. Имя Ина-но махито Оокура встречается также на нескольких деревянных табличках моккан.

Эпитафия Ина-но Оокура следует во всём китайской канонической традиции составления эпитафий. Это видно уже по наличию заголовка. Как и китайские эпитафии, эпитафия Ина начинается надписью «某墓誌銘并序», «эпитафия с *мэй* и *дзё*», откуда видно, что текст делился на две части — стихотворный компонент 銘, *мэй*, и биографический компонент 序, *дзё*. Помимо данного текста, часть *мэй* встречается только в двух эпитафиях — Мино-но Окамаро и Исигава-но Тоситари. Биографическая часть содержит следующую информацию: посмертное имя покойного, генеалогические данные, личные качества с детства, этапы карьеры, день и место смерти, возраст, день и место захоронения. Отметим схожесть вступительной части эпитафии и традиционной китайской биографией. Биографии «дают основную («основную» с точки зрения историка в бюрократическом государстве) информацию о человеке в формализованной манере — перечисляются его родственники (однако даты рождения покойного обычно не приводится — *С. Р.*), перечисляются этапы его карьеры, цитаты из его сочинений (если чиновник занимался сочинительством), и случаи из жизни, имеющие стереотипный характер и малодостоверные». [27, с. 457–458]. Д. Нивисон отмечает, что подобные характеристики призваны показать, насколько чиновник реализовал потенциал, заложенный в него от рождения, но изменения характеристик не происходит. Это же, по его мнению, можно сказать и о большинстве биографий эпохи Тан, не помещённых в государственные хроники. Это утверждение верно и применительно к тексту эпитафии Ина, который содержит утверждения о

его природной мягкости и постоянстве натуры. Характеристики, приписываемые Ина, являются заимствованиями из классических китайских текстов, как то *Лунь Юй*, *Вэньсюань* и *Шу цзин*. Составляющий часть *мэй* стих состоит из 20 сочетаний по четыре иероглифа в каждом; восемь иероглифов образуют строку; стихотворение можно разбить на две части по пять строк, или на десять фраз. Строки, состоящие из восьми иероглифов, рифмуются попарно (например, восьмой иероглиф рифмуется с шестнадцатым и так далее). Стихотворение восхваляет род Ина как потомков императорского рода, то, что Ина был близок императорской особе, но даже и вдали от двора, среди варваров, сумел проявить себя истинно благородным мужем. Выражение скорби тоже типично китайское. Текст следует образцам эпитафий из сборника китайского поэта Ю Синя (513–581, Северная Чжоу; яп. название сборника — *Юкайфусю*). Такое обилие цитат свидетельствует о высокой степени эрудированности составителя эпитафии. Трудно сказать, кто именно составил текст эпитафии. Опираясь на тот факт, что проведение обряда кремации в Японии VIII в. являлось монополией буддийских монахов, логично будет предположить, что эпитафия была написана буддистом, скорее всего корейским переселенцем, хотя текст изобилует конфуцианскими и даосскими мотивами.

При сопоставлении данных эпитафии с данными *Сёку Нихонги* обнаруживаются расхождения в датировках. Эпитафия датирует назначение Ина на пост управителя Этиго Кэйун 2–11–16 [705 г.], однако по данным *Сёку Нихонги*, это произошло уже в третий год Кэйун [706]. Считается, что данные эпитафии более достоверны хотя бы потому, что между назначением и составлением эпитафии прошло не так много времени, а *Сёку Нихонги* была составлена только в 797 г. *Сёку Нихонги*, однако, отмечает событие, не упомянутое в эпитафии — в 703-м г., в десятой луне третьего года Тайхо Ина-но Оокура участвовал в похоронах императрицы Дзито. Можно попытаться объяснить это умолчание тем, что включение событий, пусть даже имеющих отношение к государеву роду, могло нарушить внутреннюю структуру эпитафии, для которой было важно показать развитие и реализацию природного потенциала Ина на службе.

Поражает сходство эпитафии и текстов жизнеописаний. Схожесть эту, кроме общности одной из целей составления эпитафий и жизнеописаний — увековечивание отдельного человека и прославление его рода, — объясняет и схожесть условий составления. Жизнеописания, как и эпитафии, составляются после смерти человека, однако им находят другое применение, текст наносится на менее долговечный материал и доступен для чтения. Ниже приводится краткое сравнение текста родового жизнеописания дома Фудзивара, *Кадэн* (нач. 60-х гг. VIII вв.) [4]с эпитафией Ина. Текст *Кадэн* пропитан буддийскими настроениями, тогда как в эпитафии буддийских мотивов сравнительно мало. Больше всего точек соприкосновения обнаруживается при сопоставлении эпитафии Ина со второй половиной первого свитка *Кадэн*, повествующей о жизни и смерти старшего сына Фудзивара Каматари, Дзёэ. Надгробную речь на смерть Дзёэ слагает монах-буддист из Пэкче. Похоже, что все виды погребальных текстов, за исключением *банка*, погребальных плачей, зафиксированных в большом количестве в *Манъёсю* и исполнявшихся во время *могари*, уже к VIII в. находились в ведомстве буддийских монахов. Тексты схожи прославлением миротворческих способностей чиновников по устройству отношений между Японией и соседями: Тан и Япония при посредничестве Дзёэ стали «близки как зубы и губы», а эмиси в случае Ина сами неслись к нему сломя голову в надежде, что и их коснётся культура. Также оба текста содержат мотив драгоценной яшмы из княжества Чжао, в обмен на которую Циньский Чжао-ван предложил 15 городов. Упор делается на то, что Дзёэ и Ина продвигались по службе и получали назначения только благодаря своим удивительным качествам, т.е. на первый план выносятся меритократический принцип распределения должностей, что сильно напоминало китайские идеалы и отличалось от японской действительности. Завершаются оба текста мотивом угасания света. В *Кадэн* говорится: «Ведь даже солнце заходит» [4, с. 217]. В эпитафии же ветер задует свечу. Много общего можно найти также между жизнеописанием Фудзивара Мутимаро и эпитафией Ина-но Оокура. В данном случае схожесть текстов объясняется общим источником заимствования мотивов, каковым явились китайские классические тексты. При создании жизнеописания на первый

план выдвигаются политические мотивы. Эпитафия же — часть ритуальной практики.

5.1. Эпитафия Симоцумити. Перевод.

Эпитафия. Погребальная урна матери Симоцумити-но Куникацу и его младшего брата Куниёри асоми³⁸. Её знавшие да поведают о ней потомкам без искажений: чтобы прочие иного не передавали и [здесь написанного] не опровергали. [Надпись] сделана в первый год Вадо [708], в одиннадцатой луне цутиноэ сару, в двадцать седьмой день киното тори.

5.2. Эпитафия Симоцумити. Комментарии.

Эпитафия найдена в 1699-м г. на территории современной префектуры Окаяма, уезда Ода, Якагэ-тё, на холме в Хигаси Минари. В данной местности находились родовые владения клана Симоцумити в регионе Киби. Артефакт имеет интересную историю. Крестьянин, нашедший урну с костными останками, выкинул кости и присвоил себе урну, однако односельчане доложили об этом местному начальству, и было велено собрать кости и поместить их в деревянный гроб, урну вернуть и вместе с останками передать в храм, который был переименован в Куникацудзи, в честь старшего сына Симоцумити. Текст, состоящий из 47 иероглифов, нанесён на крышку бронзовой погребальной урны с прахом покойной, в две строки. Предполагают, что урна была обёрнута тканью. Её высота вместе с крышкой — 23.1 см, толщина стен — 0.7 см, вес — 7 кг [2, с. 82].

Согласно тексту эпитафии, погребальная урна изготовлена в первый год Вадо [708], предназначалась для хранения кремированных останков. Заказчиками выступают Куникацу и Куниёри — старший и младший сыновья покойной, которые заботились о посмертном существовании матери, а также о благополучии рода. Симоцумити — согласно *Кодзики*, потомки сына государя Корэй, по имени Вакаикатакэкибицухико-но микото, имели до реформы кабанэ *оми* и владели землями в Киби (территория совр. префектуры Окаяма). По данным *Сёку Нихонги*, Куникацу был отцом известного политика и учёного Киби-но Макиби (695–775 гг.). В тексте отмечена дата изготовления сосуда, но не фиксируется ни дата смерти, ни дата крема-

---

³⁸ См. примечание 7.

ции и погребения останков покойной. Не указано даже её личное имя. Предполагается, что всё, что нужно знать о женщине — это есть ли у неё потомство, продолжен ли род. Покойная из рода Симоцумити была матерью двух сыновей, т.е. задача продолжения рода была выполнена. К тому же её внук прославил себя и свой род — Куникацу не был бы упомянут в *Сёку Нихонги*, если бы не умер его сын Кибин-но Макиби. Имя его младшего брата Куниёри в других источниках не встречается.

К особенностям текста также можно отнести упоминание слова «эпитафия» в самом начале текста. Возможно, оно выступает в качестве заголовка. Так, заголовок имела и эпитафия Ина-но Оокура. Также несколько странным выглядит в тексте слово «погребальная урна». Создаётся ощущение, что центральным персонажем текста является не мать Куникацу и Куниёри, а именно эта урна, что не лишено смысла. Предмет может служить ритуальным заместителем человека или другого предмета (второй случай будет рассмотрен в комментарии к эпитафии Охарида-но Ясумаро). В т.н. урны *коцудзоки* помещались костные останки кремированного тела. Отдельная урна отводилась под прах. Таким образом, бронза выступает новымместилищем костей покойной, заменяя собой истлевшую плоть. Остаётся последнее — одухотворить эту новую, более долговечную плоть. А сделать это можно, если выдать сосуд за мать. В тексте стоит частица *чжи* (之), которая может ставиться как между определением и определяемым, так и между подлежащим и сказуемым в сложном предложении. Если принимать первый вариант, то приведённый выше осторожный перевод следует считать правильным, однако ничто не мешает трактовать текст как «Мать Симоцумити Куникацу и Куниёри асоми — погребальная урна». Смерть не представлялась как полное исчезновение, а виделась переходом в иную среду обитания, где плоть приобретает другую форму, а память о событиях и связях этой жизни может быть утрачена. Текст, нанесённый на новое «тело», мог быть предназначен для сохранения этой памяти и воспроизведения бытийной реальности, представлявшейся правильной, в ином мире. Указание заслуг чиновников и родственных связей матерей и дочерей способно принести пользу как самим покойным — сохранение прижизненных привилегий в загробном мире, так и потомкам — «правильные» похороны

имели целью активизировать защитные потенции духа предка по отношению к роду.

Указание родственников, в данном случае сыновей, также могло преследовать несколько целей. Первая — свидетельство того, что женщина выполнила своё предназначение, принесла потомство. Вторая цель — напоминание покойной о связях в этом мире, иначе говоря, указание вектора, по которому должна быть направлена защита и покровительство. Третья цель — сыновья, оставив свои имена на «теле» матери, выступают её поручителями перед существами иного мира. И, конечно же, в заботе о погребении родителей можно усмотреть развитый культ предков, характерный для синтоизма, а также конфуцианскую идею сыновнего долга сяо.

6.1. Эпитафия Ихокибэ-но Токотарихимэ. Перевод.

Ихокибэ-но Токотарихимэ оми³⁹ из провинции Инаба, уезда Хоми. Была пожалована младшим седьмым рангом нижней ступени в правление великого государя из великого дворца в Фудзивара [Момму], в четвёртом году Кэйун [707], в год хиното хицудзи, весной во второй луне, двадцать пятого дня и начала служить. Скончалась в первый год Вадо [708], в год цутиноэ сару, осенью, в первый день седьмой луны. В третьем году [Вадо, 710], в год каноз ину, зимой, в десятой луне была кремирована и похоронена на этом месте. Да не разрушат [могилу] потомки. Почтительно записана сия эпитафия.

Третий год Вадо [710], одиннадцатая луна, тринадцатый день цутиноэ хицудзи.

6.2. Эпитафия Ихокибэ-но Токотарихимэ. Комментарии.

Погребальная урна с нанесённым текстом была обнаружена в 1774-м г. в каменном саркофаге, на территории провинции Инаба, уезда Хоми [современная префектура Тоттори, Ивамигун, Кокуфу-тё), на горе Убэяма, на территории монастыря Мурё:кодзи. Согласно *Энгисики*, «Уложению годов Энги», к северу от этого места находилось Убэ дзиндзя, родовое святилище клана Ихокибэ [2, с. 84]. В 1795-м г. раскопки были продолжены, найдена также урна с прахом (первая урна содержала костные останки). В 1819-м г. находки были перезахоронены, и

³⁹ Оми — седьмой по значимости кабанэ, согласно системе 684 г.

только в эпоху Мэйдзи их выкопали, и теперь артефакты — собственность Токийского государственного музея [2, с. 84].

Текст нанесён на крышку кремационной урны, так же, как и в эпитафиях Ина и Симоцумити; состоит из 108 иероглифов, распределённых в 16 вертикальных строках. Текст нанесён неравномерно и может быть разделен на пять отрывков. Первый кончается именем покойной и включает географические сведения. Второй отрывок описывает её придворную карьеру. Третий повествует о её смерти. Четвёртый содержит предостережение, обращённое потомкам. Пятый — дата изготовления надписи. Особенностью захоронения является то, что для помещения урны в саркофаг, в корпусе последнего были проделаны отверстия.

Ихокибэ — влиятельный клан, который служил поставщиком местной администрации. Их родовые владения находились в уезде Хоми, провинции Инаба, что видно и по тексту эпитафии. В храме Убэ дзиндзя сохранилась «Генеалогия рода Ихокибэ», *Ихокибэ кэйдзу*, в которой сообщается, что среди представителей рода Ихоки были местные управители ещё со времён государя Котоку [645–654 гг.], а в восьмом веке представители клана управляли уездом Хоми. Относительно происхождения рода надёжных сведений нет. По одним данным [17, с. 168], основывающимся на тексте *Кодзики*, Ихокибэ — подчинённые сына государя Кэйко, принца Ихоки-но Ирихико. Однако можно предположить, что это переселенцы с материка, на что указывает отсутствие топонима Ихоки (равно как и Ифуки, Ифуку), а также формант *бэ*, указывающий на профессиональную принадлежность рода (например, Мононобэ, где *моно* — духи, *бэ* — корпорация). Скорее всего, занимались изготовлением одежды, так как китайское прочтение иероглифов — *ифу* — имеет значение «одежда» (яп. *ифуку*, кор. *Ыйпок*). Существует два прочтения данного родового имени: Ифуки и Ихоки, причём более частое упоминание — Ихоки, что указывает на корейское происхождение рода (от *ыйпок*, где *пок* перешёл в *хоки*, а *ый* – в *и*), а иероглифы, скорее всего, были подобраны по принципу «благоприятности» (второй иероглиф имеет значение «счастье»). Изменение иероглифического написания родового имени также может указывать на то, что к VIII в. произошло изменение профессиональной ориентации

рода. Токотарихимэ, скорее всего, служила государю Момму в качестве *унэмэ*, прислужницы, заботившейся о повседневных нуждах государя.

Текст интересен тем, что поясняет мотивы составления эпитафии — предостережение потомков от разорения могилы Токотарихимэ. Интерес представляют и приведённые в эпитафии датировки. Останки тела покойной были доставлены в родовые земли только через два года после смерти. В отношении покойной употреблён иероглиф 卒, (яп. *соцу*), который, согласно Тайхорё [10, статья 26], мог использоваться только по отношению к принцам крови и чиновником пятого ранга и выше, тогда как Токотарихимэ имела младший седьмой ранг нижней ступени. Также есть неточности в использовании датировок по шестидесятилетнему циклу. В переводе приводятся исправленные датировки.

7.1. Эпитафия Дояку. Перевод.

Монах Дояку-си⁴⁰ из храма Саидэра, чьё мирское имя Оонара кими⁴¹, внук [господина] Сотона, скончался в седьмой год Вадо [714], в год киноэ тора, в двадцать шестой день второй луны.

7.2. Эпитафия Дояку. Комментарии.

Эпитафия найдена в Нара, г. Тэнри, районе Ивая, на горе Нисияма в 1958 г. Со слов нашедшего, эпитафия, представляющая собой текст из 32 иероглифов, нанесённых с двух сторон серебряной таблички, была помещена в сосуд с водой и костями. Единственная табличка, сделанная из серебра. Размеры: 13.7 на 2.3 см [2, с. 85]. Текст записан в две строки, по одной строке на стороне, но на лицевой стороне иероглифами меньшего размера в две строки записаны генеалогические данные. Эпитафия примечательна тем, что это единственная серебряная табличка с эпитафией, найденная на территории Японии, это единственная табличка с эпитафией монаха, а также тем, что нет никаких достоверных сведений относительно упоминаемых в тексте людей и храма. В Японии существовало и существует несколько храмов с названием Саидэра, и с точностью установить, про какой из них идёт речь, не пред-

⁴⁰ Си — почтительное обращение к монаху.

⁴¹ См. примечание 18.

ставляется возможным. [2, с. 86]. Также ничего неизвестно про род Оонара-кими, однако японские учёные высказывают предположение, что иероглиф «большой» (яп. оо), приписан, дабы выказать уважение роду Нара. Нара — род иммигрантов, проживавших в районе местности, где был похоронен Дояку. Однако ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу невозможно. Учёные считают, что Дояку умер на территории храма Саидэра, при котором он состоял, затем тело кремировали, а останки были отправлены в родовые земли для захоронения на родовом кладбище [2, с. 86]. Дед монаха Дояку, Сотона, в других источниках не упоминается. Маленькие размеры таблички могут быть объяснены редкостью материала, из которого она была изготовлена. Отсутствие информации о дате захоронения может быть объяснено простой нехваткой места на поверхности таблички, этим же можно объяснить и выбивающиеся из первой строки текста генеалогические данные, записанные в две строки мелкими иероглифами.

8.1. Эпитафия Оо-но Ясумаро. Перевод.

Оо-но асоми⁴² Ясумаро, младший четвёртый ранг нижней ступени, пятый почётный ранг⁴³, левая половина столицы⁴⁴, четвёртая дзё, четвёртая бо⁴⁵. Скончался в год мидзуното и [723], в седьмой луне шестого дня. Седьмой год Ёро [723], двенадцатая луна, пятнадцатый день киното ми.

8.2. Эпитафия Оо-но Ясумаро. Комментарии.

Эпитафия найдена в могиле Оо-но Ясумаро, располагавшейся на горе Такамадо, рядом с Нара. [21, с. 321]. Эпитафия лежала текстом вниз в деревянном гробу размером 66 на 38 см. Размер таблички — 29.1 на 6.1 см. Надпись нанесена в две строки, со-

---

⁴² См. примечание 7.

⁴³ Помимо системы обычных рангов, существовала также система присвоения почётных, или «наградных» рангов *кунъи*. Существовало двенадцать разрядов почётных рангов, причём каждый разряд приравнивался к одному из обычных рангов. Подробнее см. [21, с. 247].

⁴⁴ Под столицей имеется ввиду город Нара, служивший столицей древней Японии с 710-го по 784-й гг. Левая половина столицы — главная улица делила город на правую и левую половины.

⁴⁵ Бо — улицы, пересекавшие город с севера на юг, дзё — с запада на восток. В Нара было девять бо и десять дзё.

стоит из 41 знака. Российские исследователи, ссылаясь на мнение авторитетного японского историка Вада Ацуму, пишут о совмещении элементов трёх религиозных традиций в похоронах Ясумаро: синтоистской, буддийской, даосской. Тело Ясумаро было кремировано, а кремация ассоциируется с буддизмом, похороны в деревянном гробу отнесены к синтоизму, а наличие эпитафии *боси* (табличка была расположена в направлении севера и текстом вниз) — обращение к даосскому божеству земли [21, с. 321]. Между датой смерти и датой погребения прошло пять месяцев. Возможно, тело вначале подвергли временному захоронению, затем сожгли, а кремированные останки доставили в родовые владения клана Оо.

Род Оо считал своим основателем Камуявимими-но микото, старшего сына Дзимму, уступившего старшинство своему младшему брату, так как тот смог убить врага, а старший струсил [5, стр. 45]. Старший брат тогда сказал, что будет служить при нём как священнослужитель. В *Кодзики* представители рода Оо имеют кабанэ оми. В *Нихон Сёки* есть запись о присвоении Оо-но оми кабанэ асоми. Помимо этого, в *Нихон Сёки* семь раз упомянут отец Ясумаро, Оо-но Хомути. Из этих записей известно, что он был распорядителем царских земель в провинции Мино, уезде Апатима, стоял во главе трёхтысячного войска при Тэмму в 672 г., причём отличился, перехватив войска противника, подбиравшегося к лагерю Тара. В 683 г. он имел младшую степень ранга сёкин и получил приказание провести границы между провинциями. В 685 г. был пожалован одеждой и хакама. В Дзито 10–8–25 [696] ему пожалованы подарки и первая широкая степень ранга дзики. «Так он был отмечен за то, что с самого начала смело оборонял заставу». В тексте *Нихон Сёки* здесь несообразность: ранее он уже назывался асоми, а тут почему-то снова оми. Ясумаро известен как составитель *Кодзики* и один из составителей *Нихон Сёки*. В *Сёку Нихонги* Оо-но асоми Ясумаро упоминается пять раз, из них три записи сообщают о ранговых повышении, одна [Рэйки 2–9–23? 716 г.] представляет собой приказ о назначении Оо-но Ясумаро *удзигами* (главой) рода Оо. Сообщение о его смерти помещено в записи [Ёро 7–7–7, 723 г.]: «Скончался министр Министерства народных дел, младший четвёртый ранг нижней ступени Оо-но Асоми Ясумаро». Датировка смерти расходится с данными эпи-

тафии на один день, данные относительно ранга совпадают. В эпитафии не указана должность Ясумаро, зато указан его адрес, что говорит о значимости географического кода при общении с потусторонним миром.

9.1. Эпитафия Ямасиро-но Масака. Перевод.

Ямасиро-но имики⁴⁶ Масака, младший шестой ранг верхней ступени, провинция Кавати, уезд Исикава, село Ямасиро. С правления государя Кару [Момму] и далее служил четырём государям⁴⁷. В год цутиноэ тацу [728], в одиннадцатой луне, двадцать пятого дня [пропущено четыре иероглифа]⁴⁸. Также супруга [его], Кая-но имики Акиба, родом из столицы, переехала в ту же провинцию, то же село того же уезда. В год мидзуноэ ину [722], в шестой луне, четырнадцатого дня [пропущено три иероглифа]⁴⁹.

9.2. Эпитафия Ямасиро-но Масака. Комментарии.

Найдена в 1952 г., под фундаментом начальной школы, что в Нара, Годзё-си, Хигасида-тё. На этом месте раньше находились родовые земли рода Ямасиро. Текст, состоящий из 76 иероглифов, нанесён на позолоченную бронзовую табличку [размеры таблички: 27.9 на 5.7 см], в три строки, с одной стороны таблички [2, с. 86]. Текст нанесён неравномерно, есть промежутки, выделяющие даты смерти супругов. Место находки совпадает с топонимом, указанным в эпитафии. В настоящее время артефакт является собственностью Нарского государственного музея. По размерам табличка близка к эпитафиям Фунэ-но Ого и Охарида-но Ясумаро.

В *Нихон Сёки* упоминаются два рода, носившие родовое имя Ямасиро, но имевшие разные кабанэ: Ямасиро-но оми и Яма-

⁴⁶ Имики — четвёртый по титул в системе Тэмму.

⁴⁷ Момму, Гэммэй, Гэнсё, Сёму.

⁴⁸ Последние два иероглифа восстанавливаются японскими учёными как «умер». Первые два из четырёх нечитаемых иероглифов вполне могли быть циклическими обозначениями дня смерти, что может косвенно подтверждаться частотностью использования циклических символов в датировках смерти и погребения. См. Примечание 29.

⁴⁹ Последний иероглиф, по мнению японских учёных, восстанавливается как «умерла». Первый и второй из трёх нечитаемых иероглифов — скорее всего, циклические символы, обозначавшие день смерти Акиба.

сиро-но атаи. Последним в 684 г. [Тэмму 12–9–23] был присвоен кабанэ *мурадзи*, а в [Тэмму 14–6–20, 686 г.] им пожалован кабанэ *имики*. В комментариях указано, что это род *куни-но мияцуко*, управителей земель, в Ямасиро, который произошёл от божества Амацу Хиконэ-но Микото [9, с. 373], божества, рождённого Сусаноо в соревновании с Аматаэрасу из её украшений. В *Синсэн сёдзироку* о божестве говорится как о правителе земли Кувана. Однако запись *Синсэн сёдзироку*, относящая Ямасиро-но имики к категории *сёбан*, потомков иммигрантов (дословно: «варвары»), а также кабанэ *атаи*, который чаще всего имели переселенцы с материка, и отсутствие сведений о роде Ямасиро в *Кодзики* — свидетельство неяпонского происхождения рода. В *Сёку Нихонги* есть сообщение о присвоении Ямасиро-но атаи Оояма, сыну Масака, кабанэ *имики*. Комментаторы отмечают, что титул рода меняли несколько раз с атаи на имики и обратно [3, т. 3, с. 464]. Имя Ямасиро-но имики Масака упоминается в *Сёсоин мондзё*, «Документах государевой сокровищницы», в записи за 23-й день третьей луны 750 г.: «5-й год Ёро [721], глава рода Ямасиро — Ямасиро-но имики Масака, младший шестой ранг нижней ступени, его наследник — Ямасиро-но имики Оояма, 24 года». [2, с. 86] Жена Масака, Кая-но имики Акиба, происходила из рода Кая, обосновавшегося в провинции Ямато, уезде Коси и являвшегося одной из ветвей мощного иммигрантского рода Ямато-но Ая. Интерес представляет отклонение от последовательного хронологического принципа описания в данном тексте. Несмотря на то, что Акиба умерла на шесть лет раньше мужа, о её смерти сообщается после сообщения о смерти её супруга. Можно предположить, что сообщение о смерти мужа считалось более значимым, почему и было указано первым.

10.1. Эпитафия Охарида-но Ясумаро. Перевод.

[Надпись на основной табличке]

В [этой] могиле, [что в] провинции Ямато, уезде Яманобэ, селе Цугэ, на холме Кодзатоока, покоится Охарида-но асоми⁵⁰ Ясумаро, младший четвёртый ранг нижней ступени, правая

---

⁵⁰ См. примечание 7.

половина столицы, третья дзё, вторая бо⁵¹. Шестой год Дзинги [729], год цутино ми, вторая луна, девятый день.

[Надпись на дополнительной табличке, расположенной точнее основной]

Слева цинь⁵². Шестой год Дзинги, вторая луна, девятый день.

[Надпись на дополнительной табличке, расположенной западнее основной]

Справа каллиграфия. Шестой год Дзинги, вторая луна, девятый день.

10.2. Эпитафия Охарида-но Ясумаро. Комментарии.

Таблички найдены в апреле 1912 г., в префектуре Нара, уезде Яманобэ, деревне Цугэ, Коока, вместе с деревянным гробом, кремированными останками, фрагментами керамики и десятью монетами. Место находки совпадает с местом погребения, указанным в эпитафии. Относительно обстоятельств обнаружения сохранились только разноречивые показания нашедшего артефакт крестьянина и его родственников. В 1951 г. были произведены полевые исследования, в результате которых было установлено, что это было захоронение кремированных останков. Типологически схоже с захоронением и эпитафией Оо-но Ясумаро (деревянный гроб, погребение на холме, наличие погребального инвентаря, включение *боси* в погребальный инвентарь, указание местонахождения усадьбы покойного в тексте эпитафии). Текст из 64 иероглифов нанесён на три таблички, с одной стороны табличек. Текст основной таблички (размеры: 29.7 на 6.3 см) записан в три вертикальных строки. Текст на дополнительных табличках записан в одну строку, по десять иероглифов на каждой [2, с. 88].

Охарида — согласно *Кодзики* и *Нихон Сёки*, родственники древнего влиятельного рода переселенцев Сога, потомки Сога-но Исикава-но Сукунэ, занимали низкие и средние государственные должности. Никто из представителей рода Охарида, за исключением Охарида-но Ясумаро, не дослуживался до четвёртого ранга и выше [2, с. 88]. В *Нихон Сёки* упоминается только некий Охарида-но оми Мимаро, направленный младшим по-

⁵¹ См. примечание 44.

⁵² Музыкальный инструмент, атрибут чиновника.

слом в Когурё в 681 г. Также есть запись о присвоении Охарида-но оми кабанэ *асоми*. Записи об Охарида-но Ясумаро встречаются в *Сёку Нихонги* и отражают его продвижение по рангам. В 25-й день второй луны 707 г. Ясумаро, имевшего младший шестой ранг нижней ступени, повышают до младшего пятого ранга нижней ступени, минуя три ранговых ступени. Это можно объяснить только особыми заслугами Ясумаро перед государем. В 711 г. он повышен до младшего пятого ранга верхней ступени, в 715 г. — до старшего пятого ранга нижней ступени. Последняя запись отмечает присвоение Ясумаро старшего пятого ранга верхней ступени, однако, согласно эпитафии, Ясумаро имел младший четвёртый ранг нижней ступени. Скорее всего, этот ранг был присвоен ему посмертно.

Ясумаро сделал лучшую придворную карьеру среди представителей рода Охарида, поэтому мотивом составления эпитафии могло служить желание сохранить за чиновником достигнутое положение в загробном мире, а также распространение его удачи на его потомков. Дополнительные таблички, скорее всего, выступали в качестве ритуальных заместителей циня и письменных принадлежностей, атрибутов идеального чиновника. Об этом свидетельствует помещение надписей на разные таблички. Выражение «слева цинь, справа каллиграфия» встречается в китайских эпитафиях династии Северная Вэй (386–534 гг.) для характеристики качеств чиновника («слева цинь, справа каллиграфия, [ничем] не скованный и самодостаточный» [2, с. 89]). Использование подобных характеристик — свидетельство высокой степени «заморской» эрудированности рода Охарида.

11.1. Эпитафия Мино-но Окамаро. Перевод.

Наш предок Мино-но Окама[ро] мурадзи⁵³ в правление государя [из] Асука Киёмихара [Тэмму], в шестнадцатый день первого месяца года киноэ сару [684] указом государя был пожалован кабанэ мурадзи. В правление великого государя из дворца Фудзивара [Момму], в первый год Тайхо [701], в год каното уси, в пятом месяце, назначен послом в страну Тан⁵⁴. В правление великой государыни, управлявшей поднебесной из дворца

⁵³ Мурадзи — седьмой по кабанэ, по системе 684 г.

⁵⁴ Династия Тан правила Китаем с 618-го по 907-й гг.

Хэйдзё [Гэнсё], во втором году Рэйки [716], в год киноэ тацу, пятого дня первой луны был пожалован младшим пятым рангом нижней ступени, назначен на пост главы дворцового интендантского управления⁵⁵. Скончался в пятом году Дзинги [728], в год цутиноэ тацу, двадцатого дня десятой луны. Вёсен и осеней [ему] было шестьдесят и семь. Он не щадил себя; прислуживал императору⁵⁶, выполнял сыновний долг; был преданным; связал сердце со служением императору и был выдающимся подданным.

Достигал успеха, расширял дело. Осветил своё поколение высокой славой. [Своё] имя прославив личными заслугами, приумножил славу рода, оставил после себя след на тысячу долгих лет. Великая слава да не кончится, воздаяние потомкам за добрые дела предков да не иссякнет. Надпись сделана и вложена в могилу во втором году Тэмпё [730], год каноэ ума, в десятой луны, в [пропущен один иероглиф] день.

11.2. Эпитафия Мино-но Окамаро. Комментарий.

Бронзовая табличка размерами 29.7 на 20.9 см, с китайскими узорами и текстом эпитафии из 173 иероглифов найдена крестьянами в ноябре 1872 г. на территории современной Нара, города Икома, в деревне Хагивара. Место находки совпадает с топонимом, указанным в эпитафии. Обстоятельства находки неизвестны. Точно неизвестно даже, к какому типу относилось захоронение Мино-но Окамаро. Текст нанесён с одной стороны таблички и распределён на одиннадцать вертикальных строк [2, с. 89]. Есть лакуна между иероглифами, с целью выделить слово «государь», *тэнно*.

Род Мино владел землями в провинции Кавати, уезде Вакаэ. До присвоения кабанэ *мурадзи* имели титул *агатануси* и кон-

⁵⁵ Дворцовое интендантское управление (яп. *сюдэнрё*) — одно из управлений, подчинённых Министерству двора, в компетенцию которого входило решение внутридворцовых вопросов. Начальник Сюдэнрё: отвечал за выдачу паланкинов, вееров и занавесей, за уборку и освещение дворца.

⁵⁶ Словом «император» здесь переведён иероглиф 帝, кит. *ди*, яп. *тэй*, служивший титулом правителя Китая. Японский государь в эпитафиях именуется *тэнно*, однако встречается и номинация с помощью иероглифа *ди*, что указывает на заимствование фрагмента текста из китайского источника.

тролировали район Мино. Согласно *Кодзики* [5, с. 61], потомки Оонакацухико-но микото, сына государя Суйнин. В *Нихон Сёки* запись о присвоении Мино-но агатануси кабанэ *мурадзи* датирована 16-м днём первой луны 685 г., что расходится с датировкой этого события в эпитафии на один день. Датировки эпитафий считаются более надёжными. В *Сёку Нихонги* сообщается о присвоении Мино-но мурадзи Окамаро младшего пятого ранга нижней ступени. Датировка хроники и эпитафии совпадают. В *Сёку Нихонги* имя Окамаро записано тремя иероглифами, в эпитафии же — двумя, которые прочитываются как *Окама*, либо *Окаман*. Биномная запись позволяла стилизовать имя под китайское, тем самым выказав большее уважение покойному [2, с. 90]. С той же целью титул записан после родового и личного имени покойного, тогда как нормативной была следующая последовательность: родовое имя — кабанэ — личное имя. В *Манъёсю* под номером 62 помещено стихотворение, адресованное Мино-но Окамаро по случаю его отбытия с посольством в Китай: «Песня Касуга Ою, сложенная во время отплытия Мино [Окамаро] в Китай: “Пролив минуя у берегов Цусима,/ Меж диких скал/ Свой путь держи морской,/ Ты принеси дары богам с молитвой/ И возвращайся поскорей домой!”» [7, стих. 62, пер. А. Е. Глускиной]. Мино-но Окамаро упоминается также в записях храма Хонгандзи, где приводится следующее сообщение: «Согласно государственным историям, в первой луне первого года [девиза] Тайхо в Тан было отправлено 160 человек на пяти кораблях ... младший торговый инспектор, младший секретарь управления двора государыни Мино-но мурадзи Окамаро, младший седьмой ранг нижней ступени». Запись цитируется храмовой хроникой по историческому сочинению эпохи Хэйан (794–1185 гг.) *Кокинсю дзёкэй*, «Собрание старых и новых записей в перепутанном порядке» [2, с. 90].

Текст эпитафии и форма таблички близки к китайским прототипам. Текст включает части *мэй* и *дзё* (см. Комментарий к эпитафии Ина-но Оокура). В биографической части приведены основные, по мнению составителей эпитафии, достижения Окамаро на служебном поприще. Часть *мэй* не имеет стихотворной рифмы, как в эпитафии Ина и китайских эпитафиях, и представляет собой ритмизованную прозу. Текст лишён интонаций погребальных плачей, не содержит выражения грусти

и скорби, но превозносит личные качества Окамаро (преданность государю, выполнение сыновнего долга). В тексте *мэй* усматривают цитаты из классических конфуцианских сочинений [2, с. 90]. Завершается данное славословие идеей о воздаянии потомкам за добрые дела предков, что проясняет цель составления эпитафии. Личные заслуги обретают смысл только будучи вписанными в контекст родовых отношений — они преумножают славу рода и обеспечивают благополучие потомков.

12.1 Эпитафия Гёки. Перевод.

Надпись на погребальной урне с прахом дайсодзё⁵⁷.

Монах храма Якусидзи⁵⁸, чьё монашеское имя⁵⁹ Хогё, также [известный как] Гёки. В миру носил родовое имя Коси. Старший сын [господина, чьё] посмертное имя Сайти, а мирское имя — Тихо-кими, потомка Вани, сына вана Пэкче. Посмертное имя⁶⁰ его матери — Конихимэ, она — старшая дочь Хатида обито Торами из рода Хатида, что из провинции Кавати, уезда Оотори. [Гёки] родился в уезде Оотори, в правление Оми Ооцу [Тэнти], в год цутиноэ тацу [668]. В правление государя из [дворца] Асука [Тэмму], в год мидзуноэ ума [682] принял монашество и вступил на путь. Умерщвлял плоть, закалял дух, без усталости обучал и наставлял. Люди почитали его за милосердие, за что его прозвали бодхисаттвой. И все в Поднебесной, от зелёной поросли⁶¹ до господ, с нетерпением ожидали его прихода, и былолюдно, как на рынке, от желающих поклониться ему. В довершение он обрёл почтение государя и покорность монашеской общины. В семнадцатом году Тэмпё [745] [Гёки] был назначен на [должность] дайсодзё, а также получил в кормление сто дворов. К тому времени уже были составлены предписания

⁵⁷ Дайсодзё — высший буддийский церковный иерарх Японии.

⁵⁸ Якусидзи — один из крупнейших и влиятельнейших храмов в Нара.

⁵⁹ При обращении в монашество присваивается монашеское имя.

⁶⁰ См. примечание 16.

⁶¹ Зелёная поросль — простолюдины, лица, имевшие низкий социальный статус.

для монахов⁶², он же был выше этого⁶³. Однако для себя он ничего не оставлял и только всё усерднее трудился.

В возрасте восьмидесяти двух лет, в двадцать первом году [Тэмпё, 749 г.], во второй луне, второго дня хиното тори, ночью, [Гёки] лёг на правый бок⁶⁴, как всегда [пребывая в состоянии] правильного сосредоточения⁶⁵ и внезапно скончался. [Это произошло] в храме Кангэндзи⁶⁶, в правой половине столицы. Во второй луне, восьмого дня [Гёки] был кремирован и похоронен, согласно завещанию, в провинции Ямато, уезде Хэгури, на восточном склоне горы Икома. Ученики-монахи стояли тихо, не смея ни плакать, ни подняться [на гору]. Смотрели они с почтением, но не увидели ничего, кроме горстки праха и лёгкого пепла. Тогда собрали они его в эту урну, отдали ей почести и поместили на этой горе, в пагоде тахото⁶⁷.

Двадцать первый год Тэмпё [749], год цутиното уси, двадцать третий день третьей луны. Монах Синсэй.

---

⁶² Непонятно, что имеется в виду. Возможно, речь идёт о Сонирё, разделе *Тайхорё*, регулировавшем деятельность буддийских монахов и запрещавшем прозелитскую деятельность вне монастыря.

⁶³ Несмотря на законодательные запреты, Гёки устраивал публичные проповеди в различных местах. К тому же, Гёки не прошёл церемонию обращения в монахи и формально не мог считаться легитимным представителем буддийской церкви. «Апологией» такого отношения к противозаконным действиям Гёки, названного «бодхисаттвой», может служить представление, согласно которому «путь мирян» и «путь Будды» ставились ниже, чем путь бодхисаттв, ибо цель бодхисаттвы — во всеобщем, а не индивидуальном спасении.

⁶⁴ Лёжа на правом боку, умер Будда.

⁶⁵ Правильное сосредоточение — седьмая ступень восьмичленного пути достижения нирваны. Путь делился на три этапа: мудрости (праджня), соблюдения обетов (шила), сосредоточения (самадхи). Первый этап включает 2 ступени (правильное воззрение, правильная решимость), второй — 3 (правильная речь, правильное поведение, правильный образ жизни). Этап сосредоточения напрямую связан с медитативными практиками, в частности, с занятиями йогой, и включает 3 ступени (правильное усердие, правильное сосредоточение, правильная практика) [23]. Возможно, уместным был бы перевод «погрузился в медитацию».

⁶⁶ Кангэндзи (совр. Кикодзи) — построен в 721 г. при непосредственном участии Гёки, на пересечении третьей дзё и второй бо, в правой половине столицы Нара. Про дзё и бо см. примечание 44.

⁶⁷ Тахото — одна из разновидностей двухъярусных пагод.

12.2. Эпитафия Гёки. Комментарии.

Урна с прахом Гёки найдена монахами монастыря, располагавшегося на территории современной Нара, г. Икома, в деревне Арисато, в августе 1235 г. В настоящее время сохранился лишь небольшой фрагмент урны, текст же стал известен благодаря докладной записке, составленной после её обнаружения. Эпитафия состояла из 309 знаков (на сохранившемся фрагменте урны прочитывается 21 знак) и была нанесена на «тело» кремационной урны с прахом, тогда как текст эпитафий Ина, Симоцумити и Ихокибэ был нанесён на крышку урны с костными останками [2, с. 91]. Место обнаружения совпадает с топонимом, указанным в тексте, однако существовали и другие места, претендовавшие на звание могилы Гёки. Так, в Осака есть храм Амамикосо-дзиндзя, рядом с которым установлена стела с надписью: «Место упокоения бодхисаттвы Гёки». Однако всё объясняет тот факт, что до 60-х гг. XX в. рядом с этим местом было болото под названием «пруд Гёки». Ныне оно осушено, а на его месте возведены жилые постройки [15, с. 146].

В эпитафии сообщаются посмертное монашеское имя, генеалогические данные, возраст принятия монашества, подробности прозелитской деятельности, продолжительность жизни, личные качества монаха, даты смерти и погребения, дата составления надписи и её автор. Отец Гёки принадлежал к роду Коси (другое чтение — Такаси, Такаиси), а мать — к роду Хатида. И Коси, и Хатида — потомки переселенцев из Пэкче. Коси — потомки монаха Вани, к которому возводят свою родословную также кланы Фуми, Курусу, Такэо и Сакурао (о Вани и Фуми подробнее см. Комментарий к эпитафии Фуми-но Нэмаро).

Гёки — один из самых знаменитых буддийских деятелей древности. Вёл активную прозелитскую деятельность и имел не менее тысячи учеников и последователей среди различных слоёв населения [20, с. 147]. Помимо проповедования «серединного пути», участвовал в постройке храмов и общественных сооружений. При его непосредственном участии сооружено 49 храмов, 9 богаделен, шесть мостов, три водостока, две пристани, 15 запруд, 7 водоёмов, 4 канала, одна дорога ([20, с. 146] перечень построек см. в [15, с. 144–151]). Среди храмов, постройка которых приписывается Гёки, есть храм Хатидадзи (современное название — Кэриндзи), построенный в 706 г., да-

бы почтить память его матери, Хатида-но обито Конихимэ. Гёки принадлежал к школе Куся [20, с. 137], а идеологическую основу его движения составляло махаянское учение о бодхисаттве (подробнее о школе Куся и японском буддизме в эпоху Нара см. [20]). Сайтё, основатель влиятельной буддийской школы Тэндай, провозгласил Гёки идеалом бодхисаттвы [20, с. 147]. Деятельность Гёки, вступавшая в противоречие с законом, вызвала неоднозначную реакцию государства, что нашло отражение в хронике *Сёку Нихонги*. Первое из пяти сообщений о монахе, помещённых в хронике, датированное 717 г., откровенно порицает и обличает его и его последователей: «Малый монах Гёки и его ученики собираются на дорогах и извращённо проповедуют о наказаниях и о счастье, зазывают людей и наносят им раны, в каждом доме изливают потоки слов и бессовестно просят одежду; говоря ложь, называют это святым путём и вводят в заблуждение крестьян» (цит. по [20, с. 146], пер. А. Н. Игнатовича). Однако со временем Гёки приобретает всё большее количество последователей, и его движение набирает силу и авторитет, с которыми приходится считаться. Государь официально разрешает Гёки набирать последователей из числа мирян. Хроника фиксирует событие в записи за 731 г. [Тэмпё 3–8–7]: «Отныне позволять без ограничений следовать за Гёки, согласно закону, упасака старше шестидесяти одного года, упасика старше пятидесяти пяти лет. О прочих же, кто стоит на дорогах с миской для подаяния, сообщать в соответствующие ведомства и со строгостью наказывать. Не наказывать тех, кто справляет годичный траур по родителям или мужу». Правительство решает не мешать деятельности Гёки, т.к. становится понятно его нежелание вмешиваться в государственные дела и та польза, которую он и его последователи могут принести государству. В 743 г. [Тэмпё 15–10–19] приводится следующая запись: «Государь, пребывающий во дворце Сигараки [Сёму], повелел изготовить изображение будды Русяна, и с этой целью расчистить место под храм. Сюда монах Гёки привёл своих учеников и наставлял их всевозможными советами». В 21 день первой луны 745 г. [Тэмпё 17–1–21] отдан приказ о назначении монаха Гёки на должность дайсодзё, главы буддийской церкви Японии, а в записи от второго дня второй луны 749 г. сообща-

ется о его смерти и приводится развёрнутая биография [Тэмпё 21–2–2], перевод которой приведён ниже:

«Скончался досточтимый дайсодзё Гёки. Досточтимый был монахом храма Якусидзи. Его мирская фамилия — Коси, родом из Идзуми. Досточтимый был истинно чист, был наделён небесным дарованием. С юных подавал людям пример добродетельности. Когда принял монашество, читал *Югаюйсикирон*⁶⁸, и тут же постиг его до конца. Затем, обходя города и деревни, обратил многих. Монахи и миряне любили его, и было у него аж до тысячи последователей. Если узнавали, что он придёт, то сразу улицы пустели, и люди наперегонки спешили поклониться ему. Обладал даром подбирать слова так, что каждому понятно было. И ещё учеников вёл за собой, а там, где пройти трудно было, возводил мосты и дамбы. Везде, где он появлялся, люди собирались его послушать, увеличивая его славу, и дня без этого не проходило. Сто родов [народ] до сих пор его слова чтят. Тоёсакурахико-но сумэрамикото [Сёму] очень его чтит. Когда [Гёки] был назначен государем на должность дайсодзё, велено было кроме того четырёмстам людям принять монашество. Досточтимый много чудес явил, и люди того времени прозвали его «бодхисаттва Гёки». Где он ни останавливался, возводил молельню [храм]. И только в Кинай⁶⁹ таких мест было сорок девять, да и во всех остальных округах такие места есть. Его ученики один за другим сохраняют его наставления до наших дней. Когда умер, было ему 80 лет».

В эпитафии и биографии есть ряд общих мотивов — превозносится его талант проповедника учения, популярность среди населения, подчёркивается почтение, которое испытывал к мо-

⁶⁸Югаюйсикирон — общее название для *Югаситирон* и *Сэйюйсикирон*. *Югаситирон* (кит. Юйцзя ши ди лунь, санскр. Йогачарьябхуми-шастра) — «Шастра о ступенях просветления учителей йогачары». Один из главных текстов виджнянавады — йогачары и школы Фасян-цзан (яп. Хоссо). Авторство приписывается полуполюгендарному монаху Майтрейе. Текст переведён на китайский язык Сюань-цзаном, главой школы фасян-цзан [19]. *Сэйюйсикирон* (кит. Чэн Вэй ши лунь, санскр. Виджняптиматрасиддхи-шастра) — «Трактат об установлении только сознания». Один из канонических текстов школы Фасян-цзан. Составлен Сюань-цзаном в 659 г. Оба текста были одними из основных в учении школы Хоссо, чьим основателем называют монаха Досё:, учителя Гёки. Особое внимание уделяется йогической практике (медитации). Разрабатывается концепция «пути бодхисаттвы» [19].

⁶⁹ Кинай — центральный район, включавший пять провинций.

наху государь-буддист Сёму. Однако в эпитафии основной акцент сделан на истовости, которую Гёки проявлял в следовании закону будды и «пути бодхисаттвы» и его милосердии. Государственная хроника же особенно выделяет его талант убеждения и деятельность по возведению различных построек. Синсэй, составитель эпитафии, не упоминает текстов, читая которые Гёки достиг просветления, а биография не содержит сведений о родителях монаха. Есть расхождения в указании месторождения. В биографии это провинция Идзуми (южная часть современной Осака), в эпитафии — Кавати (восточная часть современной Осака), родовые имения клана Хатида, к которому принадлежала его мать. По-разному объясняется и причина, по которой Гёки прозвали «бодхисаттвой». Для составителя эпитафии важно подчеркнуть милосердие, основную характеристику бодхисаттвы. Государственная хроника берёт за причину внешнее проявление сакральности — умение творить чудеса. Расходится также возраст Гёки. Хроника сообщает, что Гёки умер в возрасте восьмидесяти лет, эпитафия — восьмидесяти двух. Хроника не указывает года рождения Гёки, поэтому и верификации данное сообщение может быть подвержено только с привлечением данных эпитафии. В обоих случаях (в случае эпитафии — более явно) видится стремление приравнять Гёки к историческому Будде, который достиг просветления в 35 лет, после чего проповедовал учение до самой смерти в течение 45 лет [23], т.е. он дожил до восьмидесяти лет, как и Гёки в *Сёку Нихонги*, а в эпитафии приводятся подробности его смерти — монах умер, лёжа на правом боку, как и Будда [23, с. 19]. Различия в текстах вытекают из различия целей, которые преследовали составители. Составителям хроники важно было показать функциональность человека в рамках государства и ту пользу, которую он принёс государству. В эпитафии важно донести, что покойный принёс пользу своему роду (и может послужить ещё на его благо), сообщить о «правильном» образе жизни и способе смерти покойного, чтобы гарантировать ему перерождение в лучшем мире.

В случае с Гёки представляется редкая возможность сопоставить сразу три текста, имеющих отношение к разным типам источников, направленных на различную аудиторию и писавшихся с разными целями: эпитафию, официальную биографию

и текст, направленный на простонародье — буддийскую притчу-проповедь *сэцува*.

Гёки упоминается в 7 историях *сэцува* из 116 памятника *Нихон Рёики* [8]. Там он называется «Воплощением бодхисаттвы Мондзюсири» (санскр. Маньджушри, символ трансцендентной премудрости, чудесной добродетели). Интерес также представляет история о его последователе, который поклялся умереть вместе с Гёки и вместе с ним возродиться в «земле Запада». Там даже цитируется стихотворение, якобы авторства Гёки: «Ты — ворон,/ лживый ворон:/Сказал,/ Что будем вместе,/ А умер раньше меня» [8, с. 105, цитируется в переводе А. Н. Мещерякова]. *Нихон Рё:ики* пишет, что в миру монах имел родовое имя Коси-но фухито [8, с. 111], по данным эпитафии род имел кабанэ кими. Местом рождения указана провинция Этиго, уезд Кубики, а кабанэ рода Хатида — кусуси.

Также приведена следующая характеристика: «Гёки оставил жизнь мирскую и отринул желания, распространял закон и наставлял заблудших. С рождения его отличал светлый ум, сам собой он проникал в суть вещей. Сердцем он был бодхисаттвы, ликом — послушник. Государь Сёму преклонялся перед его добродетелями и глубоко почитал его. Люди же превозносили его и славил, называя бодхисаттвой» [8, с. 111, пер. А. Н. Мещерякова].

Его назначение на должность дайсодзё датируется 744 г., тогда как эпитафия и *Сёку Нихонги* относят назначение к 745 г. В одной из историй посыльные Эмма, царя загробного мира, показывают одному нерадивому монаху золотой дворец в Западной земле (аналог рая), где должен будет возродиться Гёки, которого тот монах хулил за проповеди учения без прохождения церемонии посвящения. «Оставление тела» датируется Тэмпё: 21–2–2 [745 г.], а местом обозначена гора Икома.

Гёки даёт наставления, отпускает на волю животных [8, с. 115]. Он дважды фигурирует в историях про избавление женщины от змеи, пожелавшей стать её супругом [8, с. 141]. Также встречается следующая характеристика: «Послушать его проповеди собирались монахи и миряне, высокие и низкие», — что совпадает с характеристиками, которые даны Гёки в эпитафии и биографии.

13.1. Эпитафия Исикава-но Тоситари. Перевод.

Гёсидайфу⁷⁰ Тоситари-но асоми⁷¹, старший третий ранг, [занимавший] по совместительству [должность] дзингихаку⁷². Внук в десятом поколении [господина] Сога-но Исикава-но Сукунэ-но микото, сына Такэноути-но Сукунэ-но микото, старший сын бывшего садаибэн⁷³ Исикава-но Иситар-но асоми, младший третий ранг. Скончался в столичной усадьбе в правление государя из дворца Хэйсэй [Конин], в шестом году Тэмпёходзи [762], в год мидзуноэ тора, в девятой луне хиноэ нэ, в новолуние киното ми. Вёсен и осеней ему было семьдесят и пять. Похоронен в двенадцатой луне киното ми, в новолуние мидзуноэ сару в провинции Сэтцу, уезде Симагами, селе Сирахигэ, в могиле на горе Сакатари, в соответствии с ритуалом⁷⁴.

Образец достойный — на сто поколений!
В шапке и паланкине⁷⁵ — тысячу лет!
[Но] У могилы тихо и пусто...

⁷⁰ Гёсидайфу — то же, что дайнагон, старший государственный советник, одна из высших придворных должностей.

⁷¹ См. примечание 7.

⁷² Дзингихаку — глава Палаты небесных и земных божеств. По *Тайхорё*, не мог быть ниже младшего четвёртого ранга нижней ступени. В обязанности *дзингихаку* входило ведение храмовыми службами, именными списками жрецов, организация празднования *Дайдзёсай* («Великий праздник вкушения нового урожая», очень важный элемент процедуры интронизации государей) и *Тинконсай* («Умиротворение духов предков») который проводился в одиннадцатой луне, перед Дайдзёсай.

⁷³ Садаибэн — левый старший секретарь. Должность предназначалась для чиновников младшего четвёртого ранга верхней ступени. Существовала также должность *удайбэн*, правого старшего секретаря. Выполняли посреднические функции между Государственным советом и министерствами.

⁷⁴ Указания относительно необходимости соответствия похорон по ритуалу имеются в *Лунь Юй*: «Мэн И-цзы спросил, как почитать родителей. Конфуций сказал: “Без всяких уклонений”. Когда Фань Чи вёз учителя в повозке, Конфуций сказал этому ученику: “Мэн-Сунь спросил меня, как почитать родителей, и я ответил ему: “Без всяких уклонений””. Фань Чи спросил: “Что вы имели в виду?” Конфуций ответил: “Служи родителям при их жизни согласно ритуалам. Когда они умрут, похорони их по ритуалу и в соответствии с ритуалом соверши жертвенный обряд”» [6, глава 2, чжан 5].

⁷⁵ Шапка и паланкин — атрибуты чиновника.

Сосна и туя дым затаили.
Ох вздыхаем, ах грустим!

13.2. Эпитафия Исикава-но Тоситари. Комментарии.

Табличка из позолоченной бронзы размерами 29.7 на 10.4 см, содержащая текст эпитафии, найдена в январе 1820 г. деревенским жителем, за его домом, на территории храма, в современной Осака, г. Такацуки, районе Магами. Топоним, указанный в качестве места захоронения покойного в эпитафии, считается старым названием этой местности. Также был обнаружен деревянный гроб с кремированными останками. Деревенские жители испугались возмездия духа покойного и остановили раскопки, однако монахи из Киото дали разрешение на продолжение работ, в результате которых была также обнаружена погребальная урна с костными останками, наполненная водой. Текст состоит из 130 иероглифов и распределён равномерно в шести вертикальных строках, с одной стороны таблички. Строки с первой по пятую включают по двадцать два иероглифа, в шестой строке — двадцать символов. Отмечается, что стиль написания напоминает образцы каллиграфии эпохи Тан. Единственная эпитафия, владельцем которой является частное лицо, некий Танака Корэхиса [2, с. 92].

Род Исикава, до правления государя Тэмму звавшийся Сога, возводил свою родословную к Сога-но Исикава-но Сукунэ, сыну Такэноути-но Сукунэ, потомкам принца Хико-фуцу-оси-но макото-но микото, младшего сына государя Когэн. По другой теории — потомки Сога Мати, монаха, перебравшегося в Ямато из Пэкче в 475 г. Имел огромное влияние при дворе. С деятельностью рода Сога связывают распространение буддизма в Японии. После убийства одного из членов рода Сога, Сога-но Ирука, в 645 г., влияние начинает падать. Исикава-но Тоситари дослужился до самого высокого ранга со времён присвоения роду имени Исикава, два его стихотворения вошли в *Манъёсю* (№ 1728 и № 4274). Он превзошёл достижения и своего деда, младшего государственного советника Сога-но Ясумаро, и своего отца, советника санги Исикава Иситары, имевшего младший третий ранг (у Тоситары — старший третий ранг), поэтому с его именем могли быть связаны надежды на возрождение былого могущества клана. В таком случае мотив составления эпита-

тафии Тоситари тот же, что и в случае Охарида-но Ясумаро — фиксация выдающихся достижений представителя рода с целью сохранения за покойным достигнутого положения в загробном мире и распространения его удачи на потомков.

Карьера Тоситари подробно фиксируется хроникой *Сёку Нихонги*. В 735 г. [Тэмпё 7-4-23] ему был присвоен младший пятый ранг нижней ступени, в 740 г. [Тэмпё 12-1-13] — младший пятый ранг верхней ступени, в 743 г. [Тэмпё 15-5-5] повышен до старшего пятого ранга нижней ступени, в 744 г. [Тэмпё 16-9-15] назначен на должность инспектора округа Токайдо, в 746 г. [Тэмпё 18-4-4] назначен управителем провинции Муцу (север Хонсю), повышен до старшего пятого ранга верхней ступени [Тэмпё 18-4-22], назначен помощником домоправителя двора наследного принца [Тэмпё 18-9-19], левым средним секретарём Государственного совета [Тэмпё 18-11-5]. В 747 г. повышен до младшего четвёртого ранга нижней ступени [Тэмпё 19-1-20], назначен домоправителем двора наследника [Тэмпё 19-3-11]. В 749 г. повышен до младшего четвёртого ранга верхней ступени [Тэмпё 21-7-2] и назначен санги, советником [Тэмпё 21-11-24]. В 753 г. получил младший третий ранг [Тэмпё-сёхо 5-9-28] и назначение на должность главного наместника области Сайкайдо, что в его положении было равносильно ссылке. В 757 г. назначен главой Палаты небесных и земных божеств, по совместительству министром Министерства наказаний [Тэмпё-ходзи 1-6-16], а также получил назначение на должность среднего государственного советника [Тэмпё-ходзи 1-8-4]. В 758 г. ему присвоен старший третий ранг [Тэмпё-ходзи 2-8-1] и пожалована должность министра Министерства церемоний [Тэмпё-ходзи 2-8-25]. В 759 г. Тоситари испрашивает дозволения о составлении так называемых *бэссики*, отдельно прилагаемых к закону правил применения и уточнения законов [Тэмпё-ходзи 3-6-22]: «Средний государственный советник, по совместительству министр Министерства церемоний и глава Палаты небесных и земных божеств, старшего третьего ранга, наградного ранга двенадцатой степени Исикава-но асо-ми Тоситари доложил: «Ваш подданный слышал, что основа управления состоит в опоре на законы; конкретное управление же осуществляется на основе указов-*кяку* и предписаний-*сики*. Сейчас, хоть и говорят, что запреты уже сведены воедино, ру-

ководства по применению *сики* не составлено. Распростёршись, молю о том, чтобы были созданы и введены в действие дополнительные циркуляры, наряду с Рицурё».

Назначение его на должность *гёсидайфу* происходит в 760 г. [Тэмпё-ходзи 4–1–4], в 761 г. получил щедрое пожалование от государя [Тэмпё-ходзи 5–10–11]. В сообщении, датированном 762 г. [Тэмпё-ходзи 6–9–30], говорится о смерти Тоситари, а также приводится объёмное жизнеописание. Датировки смерти покойного в *Сёку Нихонги* и эпитафии совпадают. В жизнеописании сообщаются детали, не зафиксированные эпитафией: имена тех, кто был послан для выражения соболезнования и преподнесения посмертных наград, более подробно сообщается о его придворной карьере. Также приводится «китаизированная» характеристика личных качеств Исикава: «От рождения был честен, характер имел трудолюбивый, овладел ведением политических дел и работал даже сверх положенного [по должности]. Когда же не был занят на службе, только и делал что упражнялся в писании». Заканчивается биография высокой оценкой проявленной им инициативы по составлению *бэссики*, что в очередной раз подчёркивает разницу аксиологических установок составителей хроник и составителей эпитафий — для первых наиболее значимым представляется отражение пользы, которую чиновник принёс государству, для вторых — выражение скорби, служащее доказательством благорасположения потомков к покойному и выступающее гарантией сакральной защиты рода последним. Это подтверждается наличием «элегии» в части *мэй*. В стихотворении встречается иероглиф «содержать, вмещать, включать» (含, кит. *хань*, яп. *ган*, *фукуму*, выше переведён как «затаить»), который также имеет значение «вложение» — вложение в рот покойного ритуального предмета при похоронах. Учитывая характер текста, представляется возможным использование иероглифа в данном значении. В таком случае, стихотворение также может быть переведено иначе:

Быть бы ему образцом для ста поколений
Тех, кто в шапках и повозках крытых — на тысячу лет!
Но у могилы его тихо и пусто,
И только сосны и туи, что зелены вечно,
Рот его дымом кострища наполнят.

Грустим и скорбим.

Использование в стихотворении образа дыма указывает на кремацию и часто встречается в *Манъёсю*, помимо этого дым имеет коннотации непостоянства, изменчивости. Дым погребального костра ассоциировался с душой покойного, отправляющейся на небо, т.е. дым осуществляет связь между землёй и небом. «Сосны и туи» — выражение часто употребляется в собирательном значении «вечнозелёные растения», символ постоянства⁷⁶. Использование «растительного кода» расширяет пространство повествования — растения с помощью корней осуществляют связь между землёй и подземным миром. Возможно также, что сосна и туя использовались в качестве материала для растопки погребального костра.

14.1. Эпитафия Удзи-но сукунэ. Перевод.

... ранее принеся обет. Божеств[а?] Мононобэ, ... Удзи-но сукунэ⁷⁷, восьмой внук ... в великом спокойствии, а дети и внуки в покое пребывая [да пребудут?] ... двенадцатая луна второго года Ун [768 (705?)].

14.2. Эпитафия Удзи-но сукунэ. Комментарии.

Фрагмент таблички с текстом найден в январе 1917 г., на территории Киото, Укёку, район Ооэ Цукахара, на холме. Обстоятельства обнаружения неизвестны. Описания захоронения разноречивы. По одним данным, эпитафия лежала под каменным саркофагом, причём была помещена в могилу позднее, чем саркофаг. По другим данным, эпитафия была помещена в гроб вместе с погребальной урной с прахом покойного [2, с. 94]. Текст нанесён на очень тонкую бронзовую поверхность, с одной стороны таблички. Оставшаяся часть текста представлена 28 знаками. Изначальные размеры таблички и текста неизвестны.

---

⁷⁶ Значение «растительного кода» в японской поэзии очень велико. Интересно, что буддийская идея непостоянства также выражалась использованием «растительного образа» — сакуры, чьи цветы так быстро опадают.

⁷⁷ Сукунэ — третий в иерархии титулов знатности кабанэ.

Удзи — род, проживавший в провинции Ямасиро, в уезде Удзи. Представители рода были уездными управителями и низкоранговыми чиновниками. Имели кабанэ *мурадзи*, затем (с Тэмму 13–12–2, 684 г.) *сукунэ*. *Синсэн сёдзироку* относит их к разряду *Кобэцу*, «потомкам божеств». Первопредок рода Удзи — предок первогосударя Дзимму, божество Ниниги Хаяхи-но микото, тот же, что и у влиятельного рода Мононобэ. Вероятнее всего, под «божеством Мононобэ» имеется в виду как раз Ниниги Хаяхи-но микото, и служит указанием на родственные связи кланов. Несколько странным кажется употребление родового имени Мононобэ, поскольку в правление государя Тэмму роду присвоено имя Исоноками, в честь названия местности, где располагалось их родовое святилище, хотя и в *Сёку Нихонги* часто используется имя Мононобэ. Словом «обет» переведён бином, имеющий значение «обет бодхисаттвы» — обещание не уходить в нирвану, пока все живые существа не избавятся от страданий. Однако этим же биномом обозначали приношение клятвы синтоистским божествам. Нет уверенности и в переводе иероглифа «восемь» в буквальном значении, поскольку восьмёрка могла также указывать на множественность, и тогда следовало бы переводить: «многие поколения [миновали со времён Ниниги-но микото по время] Удзи-но Сукунэ». Нет уверенности и в датировке памятника, поскольку было два девиза правления, заканчивавшихся иероглифом *ун*, «облако»: Кэйун (704–708 гг.) и Дзинго-кэйун (767–770). В силу ряда обстоятельств, японские учёные придерживаются датировки «второй год Дзинго-кэйун» [2, с. 94].

15.1. Эпитафия Такая-но Хирахито. Перевод.

Это могила господина Такая-но мурадзи⁷⁸ Хирахито, старший шестой ранг верхней ступени, старшего секретаря провинции Хитати. Похоронен в седьмой год Хоки [776], в год хиноз тацу, в одиннадцатой луне киното у, в двадцать восьмой день от новолуния, [день] мидзуноэ ума.

15.2. Эпитафия Такая-но Хирахито. Комментарии.

Эпитафия найдена в 1744 г., во время полевых работ в окрестностях храма Восточный Айдзэндо, в районе современно-

---

⁷⁸ См. примечание 53.

го храма Эйфукудзи, Осака, село Минамигоути, пригород Тайси. Там располагались владения рода Такая. Старое название местности — уезд Фурути.

Обстоятельства находки неизвестны, описания захоронения не сохранилось, но предполагают, что покойный был кремирован [2, с. 95]. Это единственная сохранившаяся каменная эпитафия-боси. Поверх каменной таблички с текстом положена каменная «крышка» того же размера, что и «тело» (26.2 на 18.7 см). Подобные эпитафии распространились в Китае с конца династии Северная Вэй (386–534 гг.). Текст из 37 иероглифов нанесён в пять вертикальных строк, с одной стороны таблички.

Род Такая-но мурадзи обосновался в провинции Кавати, уезде Фурути. Его члены приходились родственниками древнего влиятельного клана Мононобэ (Исоноками). Основателем рода Такая считался Ниниги Хаяхи-но микото (см. Комментарии к эпитафии Удзи-но сукунэ).

Несколько представителей рода упоминаются в *Сёку Нихонги*. В Кэйун 1–6–11 [704 г.] упомянута Такая-но мурадзи Кусумэ из провинции Кавати, уезда Фурути, которая родила тройню. Все трое — мальчики. За это достижение ей была пожалована парча, шёлковая материя *асигину* и вата *нуно*.

В Тэмпё-дзинго 1–1 [764 г.] сообщается о присвоении младшего внешнего пятого ранга нижней ступени чиновнику по имени Такая-но мурадзи Каи, старший шестой ранг верхней ступени.

Такая-но мурадзи Хирахито упоминается только в тексте эпитафии. Он, как и Ина-но Оокура, умер на службе, в провинции Хитати, кремирован, как то полагалось по закону, а останки отправлены для захоронения в родовые владения Такая.

Отсутствие в тексте упоминания названия местности захоронения, вкупе со словом «могила», задающем пространственные координаты, может свидетельствовать в пользу того, что эпитафия была составлена одним из членов рода Такая, а захоронение производилось на родовом кладбище — в таком случае более подробная номинация пространства была бы излишней.

16.1. Эпитафия Ки-но Ёсицугу. Перевод.

Третий год Энряку [784], год киноэ нэ, новолуние мидзуното тори, [день] хиното тори. Эпитафия Ёсицугу, дочери санги⁷⁹ младшего четвёртого ранга нижней ступени, ансэти⁸⁰ провинции Муцу⁸¹, по совместительству с [должностью] управителя, помощника военачальника⁸² особой области⁸³, почётного четвёртого ранга, из рода Ки, чьё посмертное имя⁸⁴ Хиродзуми.

16.2. Эпитафия Ки-но Ёсицугу. Комментарии.

Эпитафия найдена в Осака, Таси-тё, Касуга, на горе за храмом Мёкэндзи. Находка сделана в эпоху Эдо, точная дата неизвестна. Текст из 47 иероглифов нанесён в четыре вертикальные строки на затемнённую поверхность нижней таблички, «тела». Сверху прикрыт «крышкой». Размеры поверхности табличек: 25.3 на 12.8 см. Имена отца и дочери вынесены в отдельную строку [2, с. 96].

Ки — согласно *Синсэн сёдзироку*, потомки государева рода. «Тот же предок, что и у рода Исикава-но Асоми», т.е. Хикофуцу-оси-но макото-но микото, младший сын государя Когэн. «Потомки Ки-но Цуно-но Сукунэ — сына Такэсиути-но Сукунэ» [12, с. 187]. Род Ки выполнял военные функции, участвовал в военных экспедициях на Корейском полуострове и карательных экспедициях против эмиси. 59 человек были управителями провинций. Род выступал оппозицией могущественного рода

⁷⁹ Санги — советник Высшего политического совета.

⁸⁰ Ансэти — военный инспектор, внештатная должность (*рёгэ-но канси*, должность, не предусмотренная законодательством), введена в 719 г., с целью усиления контроля над местной знатью. В *Сёку Нихон-ги*, Ёро 3–7–13 [719 г.] сообщается о назначении одиннадцати ансэти. Местная знать часто проявляла недовольство действиями ансэти, случались и убийства инспекторов. Так, уже на следующий год после введения должности, в 720 г., был убит ансэти провинции Муцу. Ки-но Хиродзуми также был убит, находясь на этом посту. В случае проявления неповиновения и восстаний, из столицы отправлялись карательные экспедиции во главе с помощником военачальника.

⁸¹ Муцу — провинция, находившаяся на самом севере Хонсю, формально включалась в округ Тосандо, однако, в действительности, в VIII в. практически не контролировалась государством.

⁸² Помощник военачальника — см. прим. 79.

⁸³ Провинция Муцу.

⁸⁴ См. прим. 17.

Фудзивара (старое имя рода — Накатоми) и союзниками другого влиятельного рода — Оотомо [12, с. 467]. В VIII в. 9 представителей рода Ки входили в состав Гисэйкан, Высшего политического совета, в основном занимая должность *санги*, трое были средними государственными советниками, трое — высшими государственными советниками. Род Ки не занимал постов в Гисэйкан в период с 705-го по 743-й, 761-го по 775-й, и с 777-го по 780-й гг. (по данным таблицы «Именной состав Гисэйкан» [21, с. 488]). Ки-но Ёсицугу не упоминается в государственных хрониках, однако имя её отца, Ки-но Хиродзуми, часто фигурирует в *Сёку Нихонги*. Данные хроники относительно ранга и должностей Хиродзуми на момент его смерти полностью совпадают с данными эпитафии. В Хоки 11–3–22 [780 г.] приводится сообщение о его убийстве — он принял смерть от рук эмиси.

Дата смерти дочери неизвестна. Дата, открывающая текст эпитафии, скорее всего, является датой её составления, а между смертью и составлением эпитафии мог пройти не один год. Упоминание отца могло преследовать цель установления «правильной» генеалогии для того, чтобы заручиться сакральной поддержкой предков в деле наследования привилегий, которых добился Хиродзуми. Таким образом, наследниками определены потомки Ёсицугу.

Литература

1. Кодай-но Боси (Древние эпитафии). Кокуси дайджитэн. В 15 т. Токио: Ёсикава кобункан, 1991. *Тоно Харуюки*. Статья «Боси», иллюстрации.
2. Нихон Кодай-но Боси (Древние эпитафии Японии) Тоттори сирёкан: Нара кокурицу бункадзай кэнкюсё, 1977.
3. Сёку Нихонги (Продолжение анналов Японии). В 6 т. Под ред. Сасаяма Х., Ёсимура Т. и др. Токио: Иванами, 2000.
4. Кадэн. Жизнеописание рода Фудзивара. Перевод, исследование и комментарии Е. Б. Сахаровой. Политическая культура древней Японии. М.: РГГУ, 2006. С. 182–255.
5. Кодзики. Записи о деяниях древности. В 2 т. Перевод, предисловие и комментарии Л. М. Ермаковой и А. Н. Мецзякова. СПб.: Шар, 1994.
6. *Конфуций*. Лунь Юй (Суждения и беседы). Перевод и комментарии Л. С. Переломова. М.: Восточная литература, 2001.
7. Манъёсю. Собрание мириад листьев. В 3 т. Перевод А. Е. Глускиной. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1971–1972 гг.

8. Нихон рёики. Японские легенды о чудесах. Перевод, предисловие и комментарии А. Н. Мецерыкова. СПб.: Гиперион, 1995.
9. Нихон сёки. Анналы Японии. В 2 т. Перевод и комментарии Л. М. Ермаковой и А. Н. Мецерыкова. СПб.: Гиперион, 1997.
10. Свод законов Тайхорё. В 2 т. Вступительная статья, перевод и комментарии К. А. Попова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1985.
11. Сёку Нихонги (Продолжение анналов Японии). Первый свиток. Перевод, исследование и комментарии А. М. Мецерыкова. Политическая культура древней Японии. М.: РГГУ, 2006. Сс. 7–66.
12. Синсэн сёдзироку. Вновь составленные списки родов. Перевод, предисловие и комментарии М. В. Грачёва. Синто. Путь японских богов. В 2 т. СПб.: Гиперион, 2002, т. 2. Сс. 170–192.
13. Сыма Цянь. Исторические записки. Перевод, предисловие Р. В. Вяткина, комментарии Р. В. Вяткина и А. Р. Вяткина. М.: Восточная литература РАН, 1996.
14. Nihongi. Chronicles of Japan from the Earliest Times to A.D. 697. Transl. By W. G. Aston. Tokyo: Tuttle Publishing, 1993.
15. Ким Х. Кодай Осака-о таби-суру (Прогулки по Осака древности). Осака: Бурэин сэнта, 1987.
16. Коидзуми Р. Мэйбун-то Исибуми (Эпитафии и стелы). Котоба-то модзи (Слова и письма). Нихон-но кодai (Японская древность), 14, под ред. Киси Тосио. Токио: Тюо корон, 1996.
17. Нихонси кодзитэн (Словарь-энциклопедия истории Японии). Токио: Ямагава сюпанся, 1997.
18. Глускина А. Е. Заметки о японской литературе и театре. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1979.
19. Духовная культура Китая. Энциклопедия. М.: Восточная литература РАН, 2007.
20. Игнатович А. Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1987.
21. Мецерыков А. Н., Грачёв М. В. История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002.
22. Рейнгольд, Дж. С. Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти. Перевод, научное редактирование В. М. Астапова. М.: ПЕР СЭ, 2004.
23. Торчинов Е. А. Краткая история буддизма. Происхождение и развитие, философия и литература. СПб.: Амфора, 2008.
24. Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1987.
25. Cook, Constance A. Death in Ancient China. The Tale of One Man's Journey. Boston: Leiden, 2006.
26. Fontein, Jan. The Epitaphs of Two Chan Patriarchs. *Artibus Asiae*, 1993. Vol. 53, No ½. Pp. 98–110.
27. Nivison, David S. Traditional Chinese Biography. *The Journal of Asian Studies*, 1962. Vol. 21 No 4. Pp. 457–463.